

Юлия Кузнецова
Дарья Абрамова
Ксения Беленькая
Светлана Пудовкина

МАГИЯ ЛЮБВИ
САМАЯ БОЛЬШАЯ КНИГА
РОМАНОВ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

**Юлия Кузнецова
Ксения Беленкова
Светлана Анатольевна Лубенец
Дарья Лаврова**

**Магия любви. Самая большая книга
романов для девочек (сборник)**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958679
Магия любви. Самая большая книга романов для девочек: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61682-4*

Аннотация

«Снежинки счастья»

На вечеринке у одноклассников Марии, чтобы не проиграть в споре, пришлось спеть. От смущения девушка забыла слова, но, когда ей начал подпевать симпатичный парень, она поняла – это лучшее, что с ней могло произойти. Вот только красавчик оказался наполовину испанцем и после Нового года вынужден возвращаться домой в далекую страну. Но разве чудес не бывает, особенно если их так ждешь?

«Трамвай для влюбленных»

У всех девчонок, которые ездят на трамвае номер 17, есть свои мечты: кто-то только ищет того единственного, а кто-то, наоборот, уже влюбился и теперь ждет взаимности, телефонного звонка или короткой эсэмэски. Трамвай катится по городу, а девушки смотрят в окна, слушают плееры и мечтают, мечтают, мечтают...

Наташа мечтала об Игоре, а встретила другого мальчишку, Нина ждала Сэма, а получила неожиданный сюрприз. Каждую трамвай номер 17 примчал к счастью, о котором она не могла и мечтать.

«Симптомы любви»

Это история мальчишки, который по уши влюбился в девчонку. Только вот девчонка оказалась далеко не принцессой – она дерется, как заправский хулиган, не лезет за словом в карман, умеет постоять за себя, ненавидит платья и юбки, танцы, а также всякую романтическую чепуху. Чтобы добиться ее внимания, парню пришлось пойти на крайние меры: писать письма, драться со старшеклассником, ходить на костылях. Оказалось, сердце ледяной принцессы не так-то просто растопить...

«Не хочу влюбляться!»

Появление в классе новеньких всегда интересное событие, а уж если новенький красавчик, да еще таинственный и загадочный, то устоять вдвойне сложно. Вот и Варя, отговаривая подругу Машку влюбляться в новенького, и сама не заметила, как потеряла от него голову. Правда, Сашка Белецкий оказался худшим объектом для внимания – высокомерный, заносчивый и надменный. Девушка уже и сама не рада была, что так неосторожно влюбилась, но неугомонная Машка решила – Варя и Саша будут вместе, чего бы это ей ни стоило...

Содержание

Юлия Кузнецова	4
Вступление	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	50
Глава 12	55
Глава 13	60
Глава 14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дарья Лаврова, Ксения Беленкова, Юлия Кузнецова, Светлана Лубенец Магия любви. Самая большая книга романов для девочек (сборник)

Юлия Кузнецова
Снежинки счастья

Вступление

– Бабах!

Я хватаюсь за лоб и отскакиваю. Подбежал охранник, который до этого момента спокойно курил, наблюдая за тем, как я шла прямо на стеклянную дверь торгового центра.

– Слушайте, я думал, вы прикалываетесь, – с недоумением сказал он мне и толкнул стеклянную дверцу. Она провернулась вокруг своей оси и вернулась на место.

Я не двигаюсь: мой взгляд прикован к бейджику охранника, на нем название торгового центра – «Наполеон». Оно будит воспоминания, тревожит память, причиняет боль.

– Не в себе, что ли? – сердится охранник. – Надо было шагнуть, когда она крутилась!

Он снова толкает дверцу и на этот раз, для верности, и меня – в спину. Запихивает меня в огромный многоуровневый торговый центр, словно монетку в копилку.

– Все нормально? – спрашивает вслед.

Я киваю, не поворачивая головы. Молча. Я не могу говорить. Точнее, я не могу ему объяснить, что я не хотела заходить в «Наполеон». Я не хотела даже приезжать сюда, на другой конец Москвы, да еще и в такой снегопад, когда кажется, что снег решил покончить с новогодними лампочками, фонариками, рекламными растяжками и гирляндами и просто засыпать все, что сверкает и мигает.

Но ноги сами привели меня сюда. Ведь это наше место. Наше с ним.

Ноги делают еще пару шагов, и я опускаюсь на стул кофейни, находящейся прямо у входа. Стараюсь не думать, что мы сидели вдвоем вон там, в углу под пальмой, что я пила латте из бокала на высокой ножке, а он подливал себе в крошечную чашку кофе из френч-пресса.

Так же стараюсь не думать о том, что хотя Новый год кончился, вряд ли раскупили все игрушки, гирлянды, а главное – новогодние костюмы. И тот, жуткий, шуточный, ведьмин, с розовой резиновой мордочкой, с ярко-зелеными тенями и сигаретой в желтых зубах, – тоже, наверное, висит там же, где висел до Нового года.

Передо мной возникает официантка. Она улыбается и протягивает меню.

– Когда это началось?

– Простите? – не понимает она.

– Когда это все началось? – спрашиваю я то ли себя, то ли ее, то ли кофе-латте, нарисованный на первой же картинке меню. – Вдруг он помнит?

– Вы что-то пытаетесь вспомнить? – догадалась официантка.

Улыбка не сходит с ее лица, словно она – человечек из конструктора «Лего». Я киваю.

– Тогда я принесу вам наш новый кофе! Ореховый капучино. Он поможет вам вспомнить все! Как в том фильме с Колином Фаррелом, смотрели? И не забудьте взять купон на бесплатный второй кофе. Приходите сюда со спутником или подругой – и вы сможете их угостить!

Казалось, что ее губы растянуты так, что шире улыбнуться уже и не выйдет, но она как-то ухитряется это сделать (конструктор «Лего»: теперь улыбки наших человечков еще шире!) и удаляется. Я смотрю ей вслед. «Со спутником», «со спутником» – бомкает мое сердце в такт этим простым словам.

Я должна вспомнить точку отсчета.

Я зажмуриваюсь и вижу Олино белое лицо. Белое и распухшее. Она начала задыхаться как-то внезапно. Никто не ожидал, что она упадет на пол, схватится за горло, как в каком-то ужастике, а ее щеки станут расти на глазах.

Я кожей чувствовала страх остальных. А он поднялся с пола и крикнул:

– Амбулансия!

Все впились глазами в его широкую спину в белом свитере крупной вязки, и не только я, а все поняли, что он сейчас что-то сделает, чтобы страх, который охватил нас, развеялся.

Нет, не то, не то... Все это началось ведь гораздо раньше...

Передо мной со стуком и каким-то вежливым восклицанием ставят кофе. Пахнет орехами и ванилью, но я не притрагиваюсь к бокалу.

Я тру лоб, пытаюсь вспомнить. Интересно, останется шишка от столкновения с дверью?

Вообще, удивительно, как я изменилась! Притащилась на другой конец Москвы, чтобы просто посидеть и подумать. А был бы этот «Наполеон» на Эвересте, я бы и на Эверест взобралась без страховки. Да что там, на Луну бы полетела... Проблема в том, что не нужна я оказалась ни на Луне, ни в далекой стране под названием...

Хватит. Просто надо думать о том, что я изменилась. Я была такая ленивая... Сейчас бы лежала на подоконнике на животе и смотрела бы в окно на то, как кружатся в ритме сумасшедшего танца снежинки...

Стоп!

Снежинки. Вот оно. Вот, когда все это началось.

Глава 1

Снежинки

За окном метет и метет. Подоконники у нас широкие – можно лечь на живот, повернуть голову, прижаться носом к холодному окну и наблюдать за потоком снежинок.

Мне их жаль. Что за жизнь у снежинок? Выскочила из снежной тучи, пролетела минут десять (ну двадцать!), упала на землю и... растаяла. Даже если не сразу растаяла, полежала чуть-чуть на асфальте, все равно... Короткая жизнь у снежинок, что и говорить!

– Дзинь!

Это у Туськи за моей спиной что-то упало – или колба, или стеклянная палочка для перемешивания жидкостей.

– Наталья! – говорю я, изображая низкий сердитый голос моей мамы. – Если ты опять разобьешь у нас в доме свои духи...

– Это не духи, – ворчит Туська, – и вообще, мне она говорила, что гости хвалят приятный запах в вашей гостиной.

– Конечно, – подхватила я, – духи-то ты разбила в маминой спальне! В гостиной, может, и приятно пахнет. Но в спальню папа три дня войти не мог! Все ворчал, что там – парфюмерная фабрика, которую ограбили и по дороге перебили всю продукцию! И вообще, зачем тебе понадобилось смешивать свои духи...

– Это не духи!

– Ладно, масла... Почему именно в спальне моих родителей?

– Потому что во всех остальных комнатах у вас чем-то пахнет! На кухне – едой! У тебя – твоими духами!

– Кстати, они милые.

– Может быть, но они мешают мне! В гостиной пахнет цветами, которые твоей маме на день рождения надарили. Спальня – единственное свободное от запахов место в вашей квартире.

– В нашей квартире, – повторяю я со значением.

Я поворачиваю голову и смотрю на подругу. У Туськи – несчастное выражение лица, но вообще она красавица – две черные толстые косы, огромные синие глаза, стройная, в белом халате, который ей, брюнетке, очень идет. Хотя халат, конечно, жутковатый – один рукав короче другого, по подолу тянется бахрома, но мне он очень нравится. Еще бы, я сама его сшила Туське на уроке технологии еще в восьмом классе.

Она корчит обиженную рожицу, и я понимаю – в их квартире вообще нет ни одного места, свободного от запахов: в каждом свободном углу Туська поразбивала по одному, если не больше флаконов своих аромамасел, а если не поразбивала, то просто что-нибудь ими обмазала – или торшер, или подлокотник кресла, или полотенца в ванной.

– И чего ты хочешь добиться? – ворчу я и снова отворачиваюсь к окну – наблюдать за снежинками и жалеть их.

Интересно, если бы снежинки умели думать, они выбрали бы себе такую жизнь – прыгать вниз с несусветной высоты и быть счастливыми всего несколько минут?

Я бы точно предпочла остаться в туче. Я ленивая настолько, что если меня бросить в болото с крокодилами, я не сразу начну выбираться – посплю пару часиков, если крокодилы будут не против.

А Туська – энерджайзер. Мне кажется, если выключат свет, то можно любой электроприбор подсоединить к Туське – он зарядится на неделю вперед.

Даже не поворачиваясь к ней, я вижу, как загорелись ее глаза.

– Я хочу придумать такой запах, понимаешь, особенный! Чтобы он нравился всем людям. И чтобы он воздействовал на них определенным образом.

– Парфюмер у Зюскинда тоже хотел, – зеваю я, – как его звали? Гренуй? Он тоже все ходил, особенный запах изобретал. И чем все закончилось? По-моему, его съели, когда он этим запахом намазался.

– Это был запах абсолютной красоты, который притягивал, вызывал любовь к тому, кто им намажется. А я хочу придумать такой, чтобы в человеке, который его на себя нанес, открылось все самое лучшее! Все способности, все эмоции! Чтобы он не боялся показать себя с лучшей стороны.

– Представляю, сколько мне придется проспать, если ты активизируешь этим запахом мою лучшую способность, – пробормотала я, снова зевая.

От моего теплого дыхания на окне образуется кружок. Я рисую на нем сердечко. И только я прикладываю к его центру палец, чтобы закрасить серединку, с внешней стороны вдруг прилепляется снежинка. Она огромная, слепленная из нескольких. Я отдергиваю палец, а она, задержавшись на пару секунду, отрывается и улетает прочь, подталкиваемая порывом ветра.

«А если это здорово? – мелькает вдруг в моей голове. – Лететь на всех парусах, дышать полной грудью, видеть весь мир – пусть даже и несколько минут».

Но тут же одергиваю себя – глупости! Гораздо приятнее лежать на животе на подоконнике в теплой квартире и болтать ногами в белых шерстяных носках и предвкушать чаепитие. Туська обязательно заварит горячий индийский чай с корицей, гвоздикой, кардамоном и молоком, как только закончит свои смешные опыты с аромамаслами...

Подушку бы еще...

Я, не поворачиваясь, протягиваю руку, надеясь дотянуться до дивана и стащить одну из подушек-думочек, сшитых моей мамой из мягкого коричневого плюша.

Вдруг кто-то кричит:

– Ага! Свистать всех наверх!

И раздается жуткий свист. От неожиданности я чуть не падаю на пол.

– Туська! – сержусь я, все же повернувшись к подруге. – Ну сколько тебя просить: не меняй ты рингтон без предупреждения!

Но она не слышит, она уже болтает с кем-то по сотовому.

– Да? Когда? Сегодня? Сейчас? Ну... Мария! Нас с тобой зовут...

Я делаю огромные глаза и изо всех сил качаю головой. Нет! Никуда я не пойду! Они что, с ума сошли?! Снегопад на дворе!

– А сколько там у вас народу? – спрашивает Туська. – Двадцать человек?

Я качаю головой так яростно, что она, кажется, сейчас оторвется.

Туська бросает взгляд на стол, заставленный колбами, пробирками, штативами и арматой маленьких плотно закрученных баночек из темного стекла – ароматическими маслами.

– Придем, – обещает она, и я, со стоном схватив подушку-думочку, швыряю ее в Туську.

В ноги, конечно. Не хватало еще в гостиную грохнуть двадцать банок с аромамаслами! Меня родители из дома выгонят на мороз.

Хотя Туська вроде бы тоже собирается это сделать.

– Прекрасно, – бормочет она, раскрывая чемоданчик, в котором она переносит ароматическое добро и лабораторную посуду, – просто прекрасно!

– Ужасно, – передразниваю я ее, – просто ужасно! Куда мы идем?

– К Егору Ключеву. У него дома вечеринка. Кристина звонила, правда, почему-то с Алиного телефона, говорит, весело.

– Слушай, – нахмурилась я, – это подозрительно. Мы их всех, включая Алю с Егором, видели три часа назад, в школе. И никто не сказал нам про вечеринку! Это странно.

– Почему? – пожала плечами Туська.

Я закусила губу. Нет, пожалуй, не стоит ей говорить, почему то, что одноклассники не позвали нас на вечеринку, – странно. Я не хочу обидеть Тусю.

Потому что у меня мелькает подозрение, что им там смертельно скучно. И они позвонили именно ей, чтобы она пришла, а они потом над ней поржали всласть. В школе никто не позволяет себе этого, но я замечаю взгляды, ухмылки, пальцы у виска, когда Туська увлекается и слишком громко рассуждает о том, как отличить хорошее лавандовое масло от подделки. Да, наверняка ее зовут для потехи. Будут делать вид, что слушают ее, позволят себе нанести духи на запястье... А сами начнут переглядываться и хихикать в кулак. Мол, опять придурочную понесло...

Но как сказать об этом моей подруге?!

И еще – мой слух царапнуло это «Кристина звонила, правда, почему-то с Алиного телефона». Значит, это Алина идея – позвать нас. А Аля никого не зовет просто так.

– Туськ, – начала я, – мы с тобой так устали после школы. Ты, что ли, забыла, как мы приползли и рухнули прямо в прихожей? Вечер пятницы, подруга! Надо отдохнуть!

– Вот именно – вечер пятницы, – ответила она невозмутимо, укладывая в чемоданчик свои пузырьки, – а отдых в нашем с тобой возрасте означает тусовку!

– Ты ведь не тусоваться идешь? – прищурилась я, спрыгивая с подоконника. – Ты ведь что-то задумала.

Туся взяла один из пузырьков и поднесла к глазам.

– Да, – тихо сказала она, – я хочу попробовать это средство. Я найду там кого-нибудь, кто хочет себя показать с лучшей стороны, и договорюсь с ним, чтобы он нанес себе на лоб и запястья новое масло.

Я качаю головой. Отлично... Она еще и про новое масло им будет втирать. Вот уж потеха ждет наших милых одноклассников.

– Сегодня пятница, – повторяю я, – и я хочу заниматься любимым делом.

– Это каким же?

– Ничего неделаньем, вот каким!

– А мне кажется, у тебя есть еще одно любимое занятие, – хитро улыбается подруга, – как насчет «данеток»? Или, может быть, «ассоциаций»? Или «я никогда не»?

Я закусываю губу. Это правда. Я терпеть не могу двигаться, но игры я люблю. Именно такие, психологические. Или просто в слова и «да-нет». Мне кажется, люди раскрываются в таких играх. И всегда приятно догадаться о чем-то важном для человека, о чем-то, что он скрывал раньше. Тут уж неважно, кто это – одноклассник, которого ты знаешь тысячу лет, или какая-то новая девчонка в компании! В «три факта обо мне» интересно играть даже с родителями – такое о них узнаешь, чего даже и представить себе не мог.

Я задумчиво кусаю губы. Что ж, вы нас позвали? Держитесь! Я вас обыграю, всю толпу. Я придумаю такую «данетку», что они с ума сойдут отгадывать! И тогда у них не будет времени на то, чтобы смеяться над моей подругой. Наоборот, мы с Тусей славно повеселимся, когда вернемся домой.

– Ладно, – ворчу я, – только меня, чур, ничем не брызгать! И перед выходом ты мне чая с молоком обещала! На улицу надо выходить с чем-то теплым в животе. Мама так говорит.

Чай заваривается долго, поэтому мы с Тусей сговариваемся на чашке какао. Она быстро готовит по кружечке для себя и меня, и мы, обжигаясь, пьем горячий ароматный напиток.

Потом вдвеем руки в рукава пуховиков – у меня темно-синий, у Туськи – бордовый, повязываем шарфы, нахлобучиваем смешные шапки – у меня с кисточками, у Туськи – с помпоном.

И, хотя какао и смешные шапки немного примиряют меня с действительностью, и мне уже не так противно выходить из теплой квартиры на холод, я все равно бурчу для порядка,

а Туська терпеливо слушает, кивает, утешает меня и обещает развлечений. Сама же при этом сосредоточенно закупоривает пузырек, в котором смешан «волшебный аромат», и устраи-вает его в кармане.

- Варежки надень, там холодно! – советует она мне, когда мы спускаемся в лифте.
- Да, мамочка, – хмыкаю я, – сама надень!

Туся кивает, лезет в карман за любимыми серыми варежками-трансформерами и вдруг раздается:

- Дзынь!

И сразу запах. Не могу сказать, что плохой. Просто очень сильный. Я различаю жасмин, эвкалипт, лимонник и что-то еще, неуловимое, но очень приятное.

- Елки зеленые! – огорчается Туся.

Она шагнула в сторону и села на корточки. Вынула из кармана пачку платочков и привычными движениями принялась собирать осколки пузырька. Мне жаль Туську, но в голову тут же приходит мысль, которую я озвучиваю:

- Так можно никуда не идти?! Супердухи разбились и эксперимент придется отложить!
- Фигушки, – ворчит Туся, поднимаясь, – я запасной пузырек взяла! И сколько раз тебе повторять? Это не духи!

– Ну ладно, ладно, – примиряюще говорю я, – на самом деле это даже хорошо, что они разбились... Жильцы дома будут тебе благодарны за приятный запах в лифте!

Туська обиженно сопит – ей жаль разбившейся склянки. Мы выходим на улицу, задираем головы. У нашего подъезда помигивает фонарь, и в его свете кажется, что сноп снежинок летит прямо на нас.

Я зажмуриваюсь на секунду, а потом смотрю на варежку и, к своему изумлению, обнаруживаю ту самую снежинку! Огромную, слепленную из нескольких других, но очень красивую, кружевную! Что это, где она была? Почему не сразу упала на землю?

Я трясусь головой: глупости! Эта снежинка не может быть той же самой. Мало ли снежинок! Хотя, конечно, похожа, очень похожа. Почему она снова подлетела ко мне? Может, зовет с собой куда-то?

- Какой-то бред! – вырывается у меня, и я стряхиваю с варежки приставучую снежинку. Ветер, словно рассердившись, швыряет мне в лицо горсть других.

- Что? – переспрашивает Туся громко, пытаюсь перекричать ветер.

– Какой-то бред, говорю! Вроде я далеко стояла от тебя в лифте, а твой суперду... э... аромат на меня попал! Так что я теперь тоже буду вести себя наилучшим образом!

– Дело не в том, чтобы ты хорошо себя вела! Дело в том, чтобы ты раскрыла себя, понимаешь? Показала все лучшее, что в тебе есть!

– Интересно, что лучшее покажут жильцы нашего дома, когда вдохнут твой аромат в лифте, – проворчала я.

- Я потуже завязала шарф и взяла Тусю под руку. Мы направились к дому Клюева.

- Ты ж сама сказала, что они будут благодарны!

– Они-то будут, а вот буду ли я – за то, что ты облила меня духами и вытащила на эту вечеринку, – не знаю! Хотя... тьфу! – Это я выплюнула снег, залетевший мне в рот. – Хотя я уже буду рада любой вечеринке, хоть у Клюева, хоть в зоопарке. Только бы спрятаться от этого холода!

Глава 2

Модное мороженое

Мы подошли к подъезду, но открыть дверь не успели. Она распахнулась сама, и на крыльцо выскочили две девицы, модно одетые, из тех, что умрут от холода, но не наденут шапки даже на Северном полюсе и будут мерзнуть в тонких пальто даже в сорокаградусный мороз. Мне становится холодно даже при одном взгляде на таких – как-то я подхватила какой-то жуткий грипп, забыв дома шарф, в тот раз мне, кстати, здорово помогло масло апельсина, которое Туська заставляла меня носить в специальном аромакулончике.

– Юль, давай вернемся? – попросила одна девчонка вторую, тощую, с острым вздернутым носом. – Ну что он такого обидного сказал?

– Дело не в том, что он сказал! – еще выше вздернула нос ее подруга. – Дело в том, что он меня заподозрил! В том, что я с ним кокетничаю!

– Ну, ты сама начала про кинотеатры спрашивать, – возразила первая девочка, ежась от холода.

– Я спросила про фильмы! А не про кинотеатры! А он сразу – я не могу тебя пригласить в кино, я не могу с тобой встречаться, понимаешь, у меня такое дело...

Какое дело у неудачного кавалера – мы не расслышали, заскочили в подъезд, перевели дух.

– Бр-р, – дернулась я, стащила варежки и принялась греть ладони дыханием, а Туська засмеялась.

– Думаешь, про кого они? – кивнула она на дверь подъезда.

– Не знаю, – протянула Туся, – похоже на Антонова. Хотя они, может, вообще не с клюевской вечеринки сбежали.

Мы поднялись и так долго старательно топали у двери, стряхивая снег с сапог, что Егор открыл нам без звонка.

– Доставка пиццы, – мрачно сказала я.

– Правда, что ли? – растерялся он.

– Сними очки, Егорыч, – покачала я головой и прошла в квартиру.

– А, прикалываетесь, – с облегчением сказал Егор, но солнцезащитные очки все же снял.

Смешно: кому, кроме Егора, может прийти в голову ходить в квартире в темных очках? Но наш Клюев – да, он такой. Вычитает где-нибудь, что в тренде черное – и будет неделями ходить в тонких черных джинсах-дудочках и майке с угрюмой рожицей.

Так и с очками, а еще – с гаджетами, у него их тысяча, с клубами, в которые ходит, с музыкой, которую слушает. Он всегда на пике моды, наш Клюев, но мне лично кажется, что живет парень в страхе. В страхе узнать о чем-то модном не первым.

Как-то Миха притащил совсем крошечную флешку с гигантской памятью, отец привез ему из Америки, так Клюев побледнел, покраснел и сразу убежал домой. Назавтра пришел в школу без такой модной флешки, но с новостью, что он заказал себе точно такую на Амазоне.

Я иногда думаю, что потешаться над Егором было бы справедливее, чем над Туськой, но у Егора крутые родители, а значит – частые вечеринки в квартире, куча газировки, чипсов, айпэдов и айподов, а над такими обычно никто не смеется...

Вот и сейчас мы, скинув куртки, вошли в комнату и, конечно, не обнаружили там никакого веселья. Девчонки сбились в углу в кучу вокруг Али. Рядом с королевной самые близкие члены свиты – Кристина и Полина, близнецы, которых вместе с Алей можно было принять за тройняшек – настолько одинаково все выглядели: распушенные волосы цвета «пепельный

блондин», короткие джинсовые юбки с заклепками, обтягивающие черные футболки, множество серебряных браслетов и, конечно, боевой раскрас.

Судя по всему, девчонки обсуждали маникюр: руки вытянуты перед собой, у Кристины – пузырек с лаком.

Двоечник Антонов и хохотун Сергеев, которые вместе с Ключевым составляют гордое и неповторимое мальчишеское трио нашего гуманитарного класса (за глаза мы зовем их Пузырь, Соломинка и Лапоть), сидели за компом и делали вид, что выбирают музыку.

На самом деле, как только я подошла к ним, чтобы спросить, как называется новая песня Земфиры, которая сейчас как раз звучала, они быстро защелкали клавишами, скрывая окно, в котором сидели на каком-то сайте.

В другом углу развалился в кресле старший брат Егора, Дима, а рядом с ним – две наши одноклассницы, Оля и Вика, но все трое меня мало интересовали – они были настоящими ботанами, и до меня долетали обрывки их разговора:

– А вы собираетесь участвовать в фестивале научно-технических и инженерных проектов? Там вроде с тринадцати лет можно заявки подавать!

Меня передернуло, как от холода. Я и так-то ленивая, а такие вещи заставляют меня осознавать мою лень как жуткий порок. Нет уж, лучше подальше от этих умников.

Я шагнула назад и услышала:

– Осторожнее!

Я обернулась. За дверью сидел незнакомый парень, темноволосый. Свитер – вот на что я обратила внимание. Он был в белоснежном свитере крупной вязки, с деревянными пуговицами на воротнике. Парень сидел на полу, уставившись в айпэд, и я чуть на него не наступила. Он сказал мне: «Осторожнее», не поднимая головы. Мне показалось, что у него есть небольшой акцент. Но какой? Не станешь же просить: «Повтори, пожалуйста, что ты сказал?» Ясное дело, он попросил меня под ноги смотреть. Поэтому я и ответила:

– Простите... То есть прости!

Парень молча кивнул, так и не посмотрев на меня. Какой надменный! Просто царь Иван Грозный в белом свитере.

В комнату вошла Туська, под села к столу, отодвинула миски с чипсами и полупустые пластиковые стаканчики и достала свой пузырек. Аля опустила руки и, внимательно глядя на Тусю, что-то негромко сказала.

Девчонки, как по команде, повторили Алины жесты. Все уставились на Туську, а она, ничего не замечая, открыла пузырек и поднесла к носу.

Земфира осеклась, вместо нее зазвучало: «Запах пива несет закат от асфальтовых акваторий...» Сергеев толкнул Мihu в бок локтем, оба прыснули.

– Антонов! – грозно сказала я, выбрав такой тон, чтобы он вспомнил – между прочим, сегодня утром именно я дала ему скатать алгебру.

– А что? – развел он руками, глупо улыбаясь. – Это «Несчастный случай».

– Классная группа! – подтвердил из кресла Дима.

– А я думала, «Несчастный случай» – это ты про Тусю, – с деланным изумлением сказала Аля, и ее присные захихикали: способность моей подруги разбивать собственные склянки где попало ни для кого не была секретом. Я закусил губу: ну погодите!

– Мороженое будете? – крикнул из коридора Егор, и все засмеялись еще громче.

– Ты сдурел? – удивился Сергеев, перекиривая Кортнева из «Несчастливого случая». – Хочешь устроить нам «Ледниковый период-5»?

– А что? – удивился Егор, входя в комнату с подносом, полным разноцветных баночек. – Вот в Испании мороженое и зимой едят.

Он обернулся на новенького парня за дверью, но тот по-прежнему не отрывал взгляда от айпэда. Он вообще не реагировал на шутки, даже не улыбался. Хм, и вовсе не обязательно

есть мороженое, чтобы сделать ледниковый период, – у нас уже есть ледяной царь, от которого так и веет холодом.

– Оно с фисташками, – жалобно сказал Егор, – это же айс!

– Клюев, ты не в теме! – крикнула с места Аля. – Айс – это мороженое с чесноком!

По «Домашнему» показывали этого модного повара... как его? Короче, он делал с солью и чесноком.

– С чесноком? – растерялся Егор, нахмурившись и пытаясь понять – прикалываются?

Или он и правда упустил какую-то модную тенденцию?

– И салом, – добавил кто-то, и последовал взрыв хохота. Даже Туся оторвалась от своего пузырька и хихикнула.

– Да ну вас, – обиделся Клюев и развернулся, чтобы уйти, но все завопили:

– Егорушка! Егорушка! Не уходи! Давай сюда немодное мороженое!

– Оно модное, – чуть не плакал Егор.

– Ладно! Съедем и будет модное! Мы же самый модный в мире класс.

– По крайней мере, самая модная его часть, – со значением сказала Аля и, вытянув ноги, разгладила мягкую ткань юбки.

Все подскочили и расхватили баночки с мороженым с подноса у Егора. Светленькая Оля взяла даже две баночки и добавила со смущенной улыбкой:

– Раз модно, то...

Егор просиял. Мы с Тусей переглянулись – какой он смешной, не видит, что Оля давно уже потеряла от него голову.

– Ну что? – капризным голосом спросила Аля. – Играть-то будем?

Тут в комнату вошли те две девочки, которых мы встретили у подъезда.

– Юля! Маша! – обрадовался Егор. – Как хорошо, что вы вернулись!

Юля фыркнула и уселась на диван.

– Я вас познакомлю, – сказал Егор, – Маш, вот, садись на стул.

Я не повернула головы, «Маша» явно относится к новой девочке – Егор знает о том имени, на которое я откликаюсь.

– Итак, – сказал Егор, обращаясь ко мне, – это Юля и Маша, а это...

Он указал на Тусю:

– Наташа и...

– Тоже Маша! – встряла Аля.

Я бросила на нее короткий взгляд.

– Мария, – четко сказал Егор, показывая на меня – это Мария.

– То есть тоже Маша? – не поняла Юля.

– Нет, – покачал головой Егор, – она не любит, чтобы ее называли Машей. Только Марией.

Антонов кивнул, подтверждая его слова. Еще бы – утром я не давала ему тетрадь с алгеброй, пока он не сообразил, что кричать «Машка! Машка!» – не лучший способ со мной законтачить.

– Так и говорить – Мария? – продолжала недоумевать Юля. – На «вы», что ли?

– Зачем, можно на «ты», – улыбнулась я ей и протянула свое мороженое – мое горло не окрепло еще достаточно после того гриппа.

– Как в Испании, – добавил Егор, – там же нет никаких «Маш», только «Мария».

– Просто Мария, – со смехом сказала Аля, и близнецы тут же послушно фыркнули.

«Солистка и хор девочек-зайчиков!» – подумала я сердито, но тут заметила, что парень за дверью поднял голову и смотрит на меня.

Смотрит внимательно, словно я стала экраном айпэда, и на мне тоже показывали что-то интересненькое.

Он оказался кареглазый. Крупный нос с горбинкой, тонкие губы.

– Ешьте мороженое, оно тает! – сказал кто-то над ухом.

Но таяло не только модное фисташковое мороженое. Неожиданно растаяла и я – под взглядом этого парня. Никто не смотрел на меня так: прямо, смело и внимательно, ни капельки не боясь, что его будут дразнить.

Сердце забилось, глухо и больно – тук-тук... тук-тук... Мы как будто очутились в комнате одни. Голоса остальных доносились словно через пелену тумана. Мне почудилось, что он слышит глухие болезненные удары моего сердца. Слышит их и видит меня насквозь.

Из забытья меня вывел насмешливый голос Али:

– Тусенька! Тебе удалось донести до нашей вечеринки целый пузырек и не расколотить его?

– Один в лифте разбился, – бесхитростно призналась Туся.

Послышался смех.

– Ну показывай, чего принесла! – велела Аля. – Это духи для чего? Они помогут мне округить физику так, чтобы он двойки постирал?

Я тряхнула головой. Нет, нельзя дать им издеваться над Тусей!

– Аля, – крикнула я через всю комнату, – ты же хотела поиграть? Так вперед? Ассоциации? Или «я никогда не»?

– В «я никогда не» – не хочу, – обиженно надула губы Аля, – потому что я уже все попробовала на свете, а вы все – все «никогда не»!

– Тогда давай в «три факта» обо мне? – предложила я, перекрикивая смех.

Я сощурилась, и Аля наклонила голову и сощурилась в ответ. Потом кивнула. Приняла, значит, вызов.

Что ж, я сделаю их всех в эту игру и докажу, что мы с Туськой – сильнее Али и ее шайки, и они не смеют над нами издеваться. А еще было бы круто выиграть на глазах этого парня, который по-прежнему смотрел на меня так, словно был застывшей восковой фигурой, не способной повернуть голову в другую сторону...

Глава 3

Три факта обо мне

Играть в «три факта обо мне» довольно просто. Особенно с теми, кто тебя не очень хорошо знает. То есть вдвоем с Туськой играть было бы сложновато – она в курсе всего, что происходило со мной, а я знаю в мельчайших подробностях обо всем, что случилось с ней. Мы ведь часто остаемся друг у друга на ночь и болтаем до тех пор, пока не начинает светать.

А вот с одноклассниками играть легко. Они же не знают, что ты, например, делаешь на даче или даже после школы. Да и в школе – кто там смотрит друг на друга? Только Оля на Егора, но ей можно, она влюблена...

Так вот, загадываешь три факта о себе. Например, «я съела вчера две стограммовые шоколадки подряд», «родители дали три тысячи на карманные расходы за раз», «я влюблена в парня своей сестры». Два факта из них – правда. Один – ложь. Нужно угадать, на каком факте ты соврала. Иногда это очевидно – ну, например, как с родителями. Кому придет в голову дать на карманные расходы три тысячи рублей?!

Но бывает так, что для кого-то это очевидно, а для кого-то – не очень. Потому что, например, Егору, бывает, дают и по две тысячи, а он рассудит: где две, там и три – и скажет, что этот факт – правда. А две шоколадки – ложь. А Оля с Викторией, например, возразят, что вчера готовились к олимпиаде и съели по две стограммовые шоколадки подряд и что этот факт – наверняка правда.

В общем, очень увлекательно, а главное, можно узнать друг о друге удивительные вещи. Ведь ты не болтаешь со всеми одноклассниками по ночам до рассвета, а только ночью можно признаться в самых невероятных невероятностях.

Мы расселись на полу по кругу. Все, кроме ледяного царя, конечно. Он снова уткнулся в айпад. Ну что ж, погоди! Вот уж я загадаю три факта!

Начала Кристина.

– Первый факт, – сказала она, – я люблю пауков. Второй – я люблю лягушек. Третий – я люблю крыс.

– Полинка, молчи! – велела она сестре, которая тут же открыла рот, чтобы сделать предположение.

– Про пауков – вранье! – заявила Аля, поморщившись. – Кто их может любить?

– Мне кажется – про лягушек, – возразил Дима, – они же такие скользкие, бр-рр...

– У них крыса вроде была, – задумчиво сказал Антонов, следя за Полиной, – значит, она ее любила.

Полина чуть улыбнулась.

– Я тоже думаю, вранье про лягушек, – согласился Антонов, – пауки маленькие, безобидные.

– А я считаю – о пауках, – упрямо повторила Аля.

– Давайте голосовать? – предложил Егор. – Кто за то, что Кристина не любит пауков?

Подняли руки все девочки.

– Кто за лягушек?

Парни подняли руки.

– Итак? – сказал Егор. – Тинка?

– Крыс! – засмеялась Кристина. – Я крыс не люблю!

– У вас же была крыса! – удивился Антонов.

– Но она ее терпеть не могла, – проворчала Полина, – я нашей Шушере и клетку чистила, и воду меняла.

– Это нечестно! – возмутилась Маша. – Неправильно загадывать о том, кто что любит. Это необъективно. А то, пока загадывала – любит, а потом – передумала.

– Я не передумывала, – возразила Кристина.

– Маша права, – поддержала подругу Юля, – давайте именно факты. Я упала с лошади, например.

– И с тех пор я такая, – негромко продолжил Сергеев, и они с Антоновым расхохотались.

Юля надула губы, но она вообще гораздо была обижаться на всех, ну точно как наш Егор.

– Тусь, вперед! – скомандовала Аля, подтолкнув мою подругу, которая села с Алей рядом, приободренная Алиной просьбой рассказать о пузырьке.

Та вздрогнула, наверное, не ожидала, что ее так быстро спросят, и промямлила:

– Я летом упала с велосипеда. Я... я... люблю гулять под дождем... Ой, люблю нельзя, да?

– Смотря кого ты любишь, – усмехнулась Аля, – а то расскажи – мы послушаем!

И все засмеялись – гораздо больше, чем того требовала слабая шутка. Сергеев просто заржал, как конь, – но его чипсами не корми, только дай над чем-нибудь похихикать.

Я сжала край своего свитера в кулаке. «Не смей обижать мою подругу, Алька!» – огненным зигзагом пронеслось в моей голове.

– Я делаю духи. И я... Я никогда не крашу ногти.

– Ну, духи она точно делает, – усмехнулся Сергеев, кивая на пузырьки.

Я улыбнулась – Туське удастся их провести.

– Глупый ты, Сергеев, – перебила его Аля, – духи – это со спиртом. А она просто масло смешивает. Так что это и есть вранье!

Туся кротко кивнула. Я вздохнула. Мда, быстро они ее раскололи.

– А, кстати, намажь-ка меня своими новыми, – предложила Аля, протягивая руку, – для чего они, говоришь?

Тусино ответа я не услышала – свои три факта стала загадывать Юля. Я ее слушала вполуха – дальше была моя очередь, и мне очень хотелось придумать что-то эдакое. Включилась я, когда они начали спорить по поводу Юлиных фактов.

– Да не проводила она ночь в отделении полиции! – кричал Егор. – Ну быть такого не может! За что ее могли туда посадить?

– А может, и проводила, – засомневался его брат, – в универе, куда я хожу на дополнительные, была демонстрация студенческая, так всех, у кого транспаранты были, забрали на ночь в отделение. Потом выпустили. Так что вполне может быть!

– Не верю, – качала головой Аля.

– А я верю, – неожиданно для себя самой подала голос я.

– Аргументируй! – потребовала Маша.

– Это самый необычный факт из всех, – пояснила я, – скорее всего, он и есть правда.

А что у нее было еще?

Я посмотрела на Тусю, но та была увлечена – шептала Але на ухо о том, на что влияет ее новое супераромамасло.

– «Я не доела мороженое» и «Я хожу дома босиком».

– Я – за мороженое, – сказала я уверенно, – потому что на самом деле – она его наверняка доела.

– Согласен, – кивнул Сергеев, – клевое было мороженое!

– Ну я же говорил, – расплылся в улыбке Егор, – Мария, голосую за мороженое!

Нас с Егором поддержали все остальные, даже Дима. Только Аля упрямо голосовала за «отделение полиции».

– Мария права, – улыбнулась Юля, показывая всем свою баночку из-под мороженого, она действительно оказалась пустой.

– Ха! – сказала я, вскидывая кверху кулак.

– Она профи в играх, – кивнула моя Туся.

– Ну давай, загадывай ты, профи, – сказала Аля.

– Слушайте. «Я кормила скатов на берегу океана сырым мясом». «Я пою на испанском». «Я связала шарф».

– Какой шарф? – спросила Вика.

– Тот, что в прихожей, – пожалала я плечами.

Егор вскочил, исчез на секунду, а потом вернулся – с моим шарфом в руках.

– Лейбла нет, – сообщил он.

– Дай-ка, – протянула руку Аля, – да, фирма не указана, но он фабричный. Так что – отпадает.

– Может, она так хорошо вяжет, что получается как будто фабричный, – подала голос Оля, и я улыбнулась ей в благодарность за комплимент.

– Да ладно, – не поверила Аля.

Еще бы, она каждую мою «пятерку» в школе провожает этим восклицанием.

– А мне кажется, скаты – вранье, – сказал Дима, – какие скаты, Мария? Электрические?

– Нет, – покачала я головой, – обыкновенные. Черные или серые. С хвостами. Они подплывают, и у них на спине такое отверстие, вроде рта. Берешь кусочек сырого мяса и засовываешь им в этот рот. Они хватают и уплывают.

– Довольно подробно, – кивнул Егор, – я верю.

– А я нет, – покачал головой его брат.

– А мне можно участвовать? – подала голос Туся.

Я кивнула. Почему нет, пусть участвует. Даже веселее будет.

– Я никогда не слышала, чтобы ты пела по-испански, – сообщила Туся.

Все уставились на нее.

– Они лучшие подруги, – сказала Полина, – я согласна с Тусей. Где Мария могла выучить испанский?

Я улыбалась с хитрым видом.

– Ну что? – спросила я. – Сдаётся?

– Еще чего! – воскликнул Антонов. – Голосуем!

– Я – за испанский! – сказала Туся, и с ней согласились все, кроме Али.

– Дураки вы, – заявила она, – шарф фабричный!

– Ты тоже за испанский голосуешь? – спросил Егор у брата. – Ты же скатов подозревал?

– Ну, раз лучшая подруга говорит, – развел руками Дима, – и потом, и правда – про скатов она все очень подробно рассказала.

– Так, за испанский – большинство! – подытожил Егор. – Мария?

– Скаты, друзья мои! – хмыкнула я.

– Я знал! – завопил Дима. – Это нечестно!

– Что – нечестно?!

– Нечестно так натуралистично описывать! Откуда ты вообще знала об этом – как их кормят?

– Мама рассказывала, – пожалала плечами я, – они ездили с папой в свадебное путешествие на какие-то острова и там кормили скатов.

– Рассказывать, может, и честно, – холодно заметила Аля, отшвыривая в сторону мой шарф, – но вот врать – нечестно.

– И где я соврала? – сощурилась я.

– Этот шарф фабричный!

– Да.

– Да?!

– Конечно. В прихожей есть еще один шарф, связанный моими руками.

– Мой, – улыбнулась Туська.

Народ засмеялся, Аля нахмурилась. Выхватила у Туськи пузырек и стала втирать капельки масла себе в запястья.

– Дай мне тоже попробовать? – попросила Оля, протягивая руку. – Так приятно пахнет.

– На! – воскликнула Аля и, опрокинув в ладонь чуть ли не полпузырька, намазала масло на Олину руку.

– Много не надо! – заволновалась Туся.

– Не жадничай! – огрызнулась Аля. – Олька, давай другую! Раскроешь все лучшее, что в тебе есть!

– Ладно, поехали дальше, – сказал Егор, – Сергеев, твоя очередь.

– Подождите! – сказала вдруг Туся. – Мария, а про испанский поясни? Это что – правда?

Я кивнула.

– Ты умеешь говорить по-испански?

– Нет. Я пою. По-испански. Не говорю – только пою. Те песни, которые мне нравятся.

– Правда? – удивилась Туся, и я кивнула ей, глазами показывая, что, мол, хватит. Дома поговорим. Не хватало еще, чтобы кто-то сообразил попросить меня...

– А спой! – попросил Антонов.

– Да! – поддержала Аля. – А то так мы можем много чего заявить. Вон, Кристинка на индийском умеет петь, скажи?

– Джимми-джимми, ача-ача! – принялась кривляться близняшка, изображая индианку.

– И все?

– Ага!

– Мария, ты так же умеешь петь? Тогда мне кажется, ты все же нам наврала.

– Нет! – вспыхнула я. – Я по-настоящему петь умею!

– Ну покажи! И докажи! – посыпалось с разных сторон.

«Ну, Туся, – возмутилась я мысленно, – ну, удружила, подруга!» Я чувствовала себя ужасно. Ведь я всегда пела только для себя. В душе или когда мою посуду. Даже родители не слышали моего пения на другом языке! Вот позор-то получится, если я забуду слова.

Я зажмурилась на секунду, выбирая песню. Росана? Нет, в «Талисмане» есть сложно-ватый куплет... Так... пусть будет Хуанес. Главное, расслабиться и довериться своей памяти. Эту песню крутили в каждом киоске прошлым летом, я должна была запомнить ее просто автоматически.

– Тенго, – начала я, стараясь, чтобы мой голос звучал низко, – тенго ла камиса негра... порке негро тенго эль альма...

Я пела, а слова бежали передо мной на воображаемом экране. И бежали они ровно до «те диго кон дисимуро», что означает «я говорю тебе с мучением», а потом – все. Экран опустел. И напрасно я всматривалась в пустоту. В ней не было слов, которые можно было спеть.

Я почувствовала, что краска заливает мои щеки. Повисла тишина. Кто-то кашлянул, кто-то обменялся насмешливыми улыбками.

– Ке тенго ла камиса негра и дебахо тенго эль дифунто! – вдруг послышалось из угла.

Я вздрогнула. Все обернулись на парня в белом свитере, который с улыбкой допел мою песню хрипловатым низким голосом. Он отложил свой айпэд в сторону и поднялся. Я задрала голову, ловя каждое его движение. Он оказался таким высоким, наверняка выше меня, а я – самая высокая в классе.

Парень продолжал петь:

Тенго ла камиса негра
Ой ми амор эста де люто
Ой тенго эн уна альма уна пена
И ес пор кульпа де ту эмбрухо...

А я подпевала, вполголоса, и мне казалось, у нас выходит просто потрясающе.

Допев, он опустился на пол рядом со мной. Я мельком глянула на него и поняла – мы же одинаково одеты! То есть на мне, конечно, нет свитера крупной вязки с огромными деревянными пуговицами, но на мне – белая футболка с длинными рукавами, а джинсы у нас – одинакового глубокого темно-синего цвета. И волосы тоже: он, как и я, сдувает со лба каштановые локоны, слегка закручивающиеся на концах от влажной погоды.

У меня запульсировало в ладонях от волнения. Я отвернулась, чтобы не выдать своих чувств, и увидела, что Аля наклонилась к Тусиному уху и что-то прошептала, поглядывая на меня.

– Неплохо поешь, – сказал мне тихо парень.

У него и правда был акцент. Легкий, но все равно – слышался.

– Ой, а я тебя забыл представить! – хлопнул себя по лбу Егор. – Мария, это Анхель.

– Анхель? – растерялась я, и парень засмеялся.

– Издеваетесь надо мной? – обиделась я. – Раз я пою по-испански...

Сотовый запищал! Мне пришло сообщение. От Туси! Я с удивлением глянула на нее, а потом прочла: «Надо поговорить. Это касается Анхеля». – «Не хочу я с тобой говорить, предательница, – написала я в ответ, – зачем заставила меня петь и позориться?»

– Нет, нет, – торопливо проговорил парень, – я не Анхель!

– Я понимаю, что Клюев демонстрирует свое суперское чувство юмора, – холодно сказала я.

– Я Анхель, – продолжил парень, напирая на «А».

– А почему тебя так зовут? – спросила я, глядя в экран телефона на новое сообщение от Туси:

«Это важно. Мне Аля кое-что рассказала. В него нельзя влюбляться».

Ответить Анхель не успел. Оля вдруг схватилась за горло и стала задыхаться. Она упала на бок, прямо на Сергеева, тот еле успел ее подхватить. Щеки девушки покраснели и стали раздуваться.

Из ступора всех вывел резкий окрик Анхеля:

– Амбулансия! Как это по-русски, забыл?!

– Да, точно! – спохватился Дима. – Надо «Скорую» вызвать!

Он сдернул с журнального столика телефонную трубку, с грохотом уронив на пол сам аппарат.

Глава 4

Олю забирают

По телефону врач сказал дать срочно Оле супрастин, но пока Егор с Димой хлопали ящиками, перерывая в них горы разных коробок с лекарствами, приехала «Скорая».

Грузная полная врач вбежала в комнату, не отряхивая снег с сапог, опустилась рядом с Олей на колени, начала нащупывать пульс. Ее широкая спина, обтянутая халатом, оказалась как раз у ног Сергеева, и он, не сдержавшись, хмыкнул, за что тут же получил тумак от Антонова со словами: «Заткнись, придурок, нашел, над чем ржать!» Я сразу зауважала Антонова, хотя до этого презирала как законченного двоечника и тупицу.

Врач, не обращая на них внимания, начала расстегивать кофточку у Оли на груди, и Аля с помощью Кристины и Полины принялась выпинывать пацанов из комнаты.

– На что аллергия? – отрывисто спросила врач, прикладывая стетоскоп к Олиной груди.

Оля не отвечала, все остальные молчали.

– Астма у нее есть? – спросила врач, поднимая на нас глаза, но мы снова промолчали, кто-то пожал плечами.

– Да что вы вообще друг о друге знаете? – с досадой проговорила врач. – Помогите джинсы стянуть, укол надо сделать. Отек у нее.

Аля толкнула Кристину, и та, опустившись, на колени, стала расстегивать Оле джинсы, а врача тем временем распахнула свой чемодан и вынула шприц и ампулы.

– Пили что-то? – спросила она, не поднимая головы.

– Нет! – ответили мы нестройным хором.

Она кивнула, наверное, не поверив. Сделав укол, врач уселась на пол рядом с Олей, не сводя с нее глаз и не отпуская ее руки, которую сжимала пальцами в области кисти, чтобы нащупать пульс. Мы тоже застыли, боясь пошевелиться.

Оля, наконец, открыла глаза, облизнула губы. Ее дыхание стало спокойнее. Но врача покачала головой:

– Не сходит до конца, сильная реакция у нее. Забираем в тридцать вторую. У тебя телефон есть? – спросила она у Оли.

Та слабо кивнула.

– Родителям позвоните, предупредите! Тридцать вторая больница. Отделение, куда определяют, пока не знаю, ну, в приемном спросят.

Врач достала свой телефон и, набрав номер, сказала:

– Вить, поднимайтесь, девочку надо забрать.

Закончив говорить, она нахмурилась:

– А чем у вас тут пахнет? Странно как-то? Кальян курили?

– Это аромамасло! – подала голос Аля. – Кстати, у нее, наверное, на него аллергия!

– Может быть, – кивнула врач.

Туся побледнела.

– Но там... – пробормотала она, – там лимон... жасмин... апельсин! Они не аллергены! Ими младенцев грудных мажут! Я специально такие выбирала.

– С таким здоровьем, как у вашего поколения, даже на хлеб аллергия бывает, – отрезала врач, – у вас же иммунитета совсем нет, вы чахлые городские дети.

– Тогда, – растерянно сказала Туся, – может, мне с вами поехать?

– Давай, – кивнула врач, – родителям позвони, чтобы забрали потом. Поехали-поехали, расскажешь дежурному врачу, что у тебя там за масло было.

– Может, мне тоже с тобой? – неуверенно сказала я, хотя мне совершенно не хотелось тащиться ни в какую больницу.

– У нас нет столько места в машине! – ответила за Тусю врач, поднимаясь с пола и давая дорогу санитарам с носилками.

Я испытала облегчение, за которое мне сразу стало стыдно. Испуганно оглядываясь на нас, Туся последовала за врачом и санитарями, уносившими Олю.

Когда за ними захлопнулась дверь и вернулись мальчишки, Аля скрестила руки на груди и сказала:

– Так я и знала, что у нее опасные масла!

– Это еще не доказано! – возмутилась я. – Пусть врачи подтвердят!

– А с чего ее так заколбасило?! От игры, что ли?

– Может, и от игры, – огрызнулась я, – но пока ничего не доказали, нечего на Туську наезжать!

– Ну-ну! – хмыкнула Аля с таким видом, словно она лично ни капельки не сомневалась, что Олин аллергический приступ вызван Туськиными маслами.

Она вышла из комнаты, сопровождаемая свитой.

– Пока! – сказала она мальчишкам, толпившимся в коридоре, а Анхелю добавила: – Асталависта!

– Асталависта, – пробормотал он, но Аля уже вышла, и поэтому его ответ прозвучал как раз в ту секунду, когда из квартиры выходили Юля с Машей. Вместо прощания Юля фыркнула и задрала нос.

Я поняла – речь шла об этом странном Анхеле, когда мы встретились с этими девочками у подъезда. Это он в ответ на вопрос о кино сказал, что не может с ней встречаться. Похоже, у него и правда слишком высокое самомнение.

Я кивнула ему и парням и тоже вышла в прихожую. Настроение было отвратительным. Во-первых, я ругала себя, что не настояла на поездке с Тусей. Как ей там, бедной, одиноко сейчас в машине «Скорой помощи»? А что мне помешало? Моя лень и больше – ничего!

Во-вторых... Да какое настроение может быть после вечеринки, с которой увозят в больницу твою одноклассницу, твою лучшую подругу обвиняют во всех смертных грехах, а мальчик, который тебе до обморока понравился, оказался самовлюбленной льдышкой.

На улице мне полегчало – ветер стих, и морозный воздух подействовал успокаивающе. Девчонки уже разошлись, а я стояла у подъезда и ловила на варежки снежинки. Мне хотелось, чтобы снова попалась та, крупная, состоящая из нескольких, и я бы спросила у нее: ну хорошо, вот я стала, как ты, вместо того чтобы спокойно лежать дома на подоконнике – ринулась с головой в какое-то приключение. И чем все закончилось? Ты считаешь, стоило мне становиться тобой?

– Да, хорошо, абуэла, ой, то есть бабуля, да, конечно! – послышался за моей спиной голос Анхеля.

Я обернулась. Он вышел из подъезда в легкой темно-синей куртке, которую даже не застегнул, и, разговаривая по телефону, махал мне и улыбался.

Потом внезапно нахмурился.

– А где это? – спросил он. – Алтуфьевское шоссе, дом девяносто? А как туда добраться? Абуэла, когда я ходил тут в детский сад, мне было пять лет! Откуда же я могу помнить? Хорошо, хорошо, не волнуйся, я найду это место. Да, я запомнил: «Нестарин». Куплю завтра с утра. Да, я сразу запишу дома на бумажку. Не беспокойся! Да, ключ не потерял, все в порядке. Все, до завтра, целую!

Нехорошо было с моей стороны подслушивать, но я не сдержалась – не каждый день услышишь, как парень вежливо и терпеливо разговаривает с бабушкой. Да и еще и «целует» под конец! Он, похоже, вообще ничего не стесняется.

Он закончил разговаривать и подошел ко мне. Телефон сунул в карман, а руки спрятал в рукава.

- Б-р-р, – проговорил он, подпрыгивая, – холодно тут у вас.
- Может, застегнуться попробуешь? – предложила я, на что он ответил веселым смешком, но «молнию» действительно поднял.
- У вас теплее? – спросила я.
- В Саламанке? Конечно.
- Ты из Саламанки? Это в Испании? Неплохо говоришь по-русски.
- Ну, у меня мама русская. Вышла замуж за испанца. Они тут некоторое время жили, а потом уехали в Саламанку. А теперь... Ладно, не важно. В общем, я тут у бабушки живу. Она сегодня ночует у сестры, и та ей сказала, что есть новое суперсредство от морщин. Продается только в одной аптеке на Алтуфьевском шоссе.
- Я знаю, где это, – кивнула я, – мы с мамой туда ездим линзы мне заказывать.
- Линзы? – сощурился он. – А я думал, у тебя свой цвет глаз... такой... красивый!
- Контактные линзы, – проговорила я, чувствуя, что краснею, – у меня зрение не очень хорошее.
- Впрочем, на морозе стесняться можно – щеки все равно румяные.
- Так ты знаешь, где эта аптека? – спросил Анхель, не сводя с меня глаз.
- Да, – повторила я и затараторила: – Выйдешь на шоссе, возле магазина компьютерного – остановка. Сядешь на семьдесят третий – и вперед... Примерно три или четыре остановки...
- Так три или четыре?
- Наверное, он ждал, что я скажу: «Давай я съезжу с тобой!» Но нет, я буду учиться на Юлином опыте. Ему предложишь вместе доехать до аптеки, а он заявит: «Я на тебе не могу жениться, у меня такое дело!» Очень нужно мне это унижение.
- Три или четыре, – пожалала я плечами, – спроси у пассажиров в автобусе. Все эту аптеку знают.
- А если не все?
- Ну, как с моста съедешь, так твоя следующая... Ну или через одну. Слушай, – сердито сказала я, – я не помню, честно. Зрительно я бы узнала.
- Так, может быть, ты съездишь со мной? – спросил Анхель.
- Я растерянно посмотрела на него:
- Ну, если ты хочешь...
- Очень хочу! – с жаром ответил он и тут же пояснил: – Ненавижу, как это?.. Блуждать?
- Плутать, – помогла ему я, – ладно. Завтра утром. В десять утра на остановке.
- Всю ночь я строчила Туське эсмэски «Как дела?» и «Как Оля?», но она не отвечала. Я попробовала позвонить, но абонент оказался недоступен.
- Спала я плохо. Думала всю ночь о происшествии на вечеринке, об Оле, Тусе и... Анхеле. Вспоминала, как он смотрел на меня там, у Егора. И гадала – посмотрит ли так же зачарованно еще раз?

Глава 5

Странная аптекарша

Утром пришло сообщение от Туськи: «Этот абонент доступен для звонка». Я тут же набрала номер, но Туся сбросила мой звонок. Тогда я позвонила ее маме, и та успокоила, сказав, что Оле уже легче, но Туся с утра сама умотала в больницу, чтобы побыстрее узнать результаты Олиных анализов. Говорить при этом ни с кем не хочет, потому что очень переживает.

– Даже со мной? – расстроилась я, положив трубку.

Мне пришло в голову, что Туська сердится на то, что я обозвала ее на вечеринке предательницей. «Ну и пусть! – подумала я сердито. – А я-то ее еще защищала от всех! Ладно, разберемся! Сейчас у меня есть важное дело!»

«Важное дело» уже ждало меня на остановке, притопывая от холода. Сегодня Анхель был одет в бежевую дубленку из искусственного материала, но она тоже, как и куртка, была слишком тонкой для нашего климата. Мне захотелось снять с себя шарф и повязать ему на шею, но я сдержалась. Что еще за нежности? Мы просто друзья. Даже не друзья, а... попутчики!

Народу в автобусе было многовато для десяти утра, и, когда мы тронулись от остановки, толпа буквально вжала меня в спину Анхеля.

– Прости, – проговорила я, утыкаясь носом в его спину. Мой нос, чьей чуткостью Туся уже занималась целый год, подливая в аромакулон то одно масло, то другое, поймал аромат его туалетной воды – незнакомый, не такой сладкий, которым пшикается после физры наше мальчишеское трио, древесный. Перед глазами возник осенний лес с ковром из темных хрустящих под ногами шишек.

Мне показалось, что он ответил:

– Я даже рад...

Но мне могло это только показаться...

Хорошо, что я поехала с ним вместе – до аптеки оказалось не три, не четыре, а целых шесть остановок, и, конечно, в такой давке ему было бы неудобно расспрашивать, где именно находится аптека, в которой продают новейшие средства от старения.

Наконец, мы с радостью ввалились в теплую аптеку. Над окошечком в правом углу я углядела надпись: «Только сегодня распродажа лучших ароматических масел из Европы», и значок фирмы, которую не раз хвалила моя Туська. Говорила, что они производят настоящие масла, без химических добавок.

– Тебе туда! – я показала Анхелю на окошко под табличкой «Безрецептурный отдел», а сама двинулась к аромамаслам. Куплю Туське подарок, чтобы не сердилась. У моего окошка никого не было.

Я взяла буклет с рекламой и стала разглядывать его, поглядывая при этом на Анхеля, а он, откинув со лба каштановый локон, нагнулся к окошку за стеклянной витриной и произнес:

– Добрый день! Дайте, пожалуйста, «Нестарин».

Низенькая рыжеволосая коротко стриженная аптекарша поправила очки, прочла название лекарства, потом глянула в мою сторону и, достав откуда-то снизу пузырек, протянула Анхелю.

– С вас триста четыре рубля девяносто одна копейка.

Я фыркнула, подумав, что в аптеке всегда такие дурацкие цены – то с тремя копейками на конце, то вообще – с одной. Но Анхеля смутило не это. Он взял пузырек, прочел название и с недоумением сказал:

– Это ведь не то лекарство. Это витамины.

Я тоже поглядела на аптекаршу, но за окошком ее уже не было.

– Эй! – раздалось у меня над ухом, и я даже подпрыгнула от неожиданности.

В мое окошко выглянула рыжеволосая аптекарша и громко прошептала:

– Бросай его! Козел он!

И снова – на место. Ошарашенная, я смотрела ей вслед, напрочь забыв о мыле с календулой и средством от артрита с эвкалиптом и чабрецом, рекламируемых в буклете.

Они что, знакомы? Сразу припомнилась эсэмэска от Туси, я даже достала телефон, чтобы ее перечитать. Да, так и есть: «Это важно. Мне Аля кое-что рассказала. В него нельзя влюбляться».

Да что они такое знают про Анхеля, чего не знаю я?!

Если только за милой улыбкой скрывается опасный психопат? Кстати, это похоже было на правду: лицо Анхеля исказила гримаса, он с гневным стуком поставил на место пузырек, на который рыжеволосая тетка заменила витамины, и воскликнул:

– Зачем мне средство от прыщей?! Я просил у вас «Нестарин»!

Но аптекарши и след простыл. Я повернула голову к своему окошечку и не ошиблась – она выглядывала из него и шептала:

– Бросай его! Точно тебе говорю! Намучаешься с ним!

– Да откуда вы знаете его? – растерялась я.

– Да сразу видно, – начала аптекарша и осеклась – Анхель был не дурак, он сообразил, куда девается рыжеволосая тетенька, и, подбежав к моему окошечку, склонился и крикнул сердито:

– В чем дело?! Почему вы себя так ведете?

Аптекарша распрямилась и уперла руки в боки. Сквозь матовое стекло был виден только ее силуэт, зато голос был слышен на всю аптеку:

– А что? Ты девочку губить будешь, а я – наблюдать и не вмешиваться?!

– Губить? – обалдел Анхель, а я попяtilась, потянув его за рукав.

Тетенька явно не в себе. Пора нам делать ноги.

– Да! – гремела она нам вслед. – Решил накормить девчонку пятнадцатилетнюю таблетками от старения, чтобы она на всю жизнь красоточкой осталась, и думаешь, тебе это с рук сойдет? Негодяй!

Анхель раскрыл рот, а меня разобрал смех.

– Мне не пятнадцать, а шестнадцать, – поправила я ее, начиная догадываться, в чем дело.

– Все равно! И в шестнадцать еще рано...

– И берем мы лекарство для его бабушки, а не для меня, – продолжила я.

Повисла пауза. За моей спиной послышались смешки – это давились от хохота другие посетители, до сих пор, как и Анхель, испуганно молчавшие.

– Для бабушки? – растерянно переспросила тетка, снова выглядывая из моего окошка. – А... о... ну так бы сразу и сказали!

– Простите, – улыбнулась я ей нежно, – мы не знали... а будьте любезны, еще жасминовое масло? Вон оно, на полочке...

– А вы в курсе, да? – прищурилась аптекарша. – Что оно – такое? Да?

Она сделала большие глаза.

– Какое? – не поняла я.

– Ну... вызывает... чувства... друг к другу... Этот... афродизиак!

– А! Афродизиак. Не беспокойтесь, мы берем его не для себя. Для моей подруги. Она – ароматерапевт, – поспешила я объяснить странной тетеньке.

И хотя совершенно непонятно, как она собиралась проверять и то, что мы отнесем «Нестарин» бабушке, а не разопьем бутылочку с таблетками на двоих у выхода, и что мы действительно взяли масло подружке, а не обольемся им с головы до ног на автобусной остановке, совершенно успокоенная аптекарша пробила нам оба средства. Анхель хотел заплатить за жасминовое масло, но я не позволила – оно стоило целых пятьсот рублей.

– Дорогой подарок для подружки, – заметил он, выходя на улицу.

– Она стоит того, – заверила я его, подумав, что, если бы Туся не попросила меня спеть на испанском, возможно, Анхель так и не оторвал взгляда от экрана айпэда...

Надо бы ей позвонить, но не сейчас, не сейчас, когда мы на секунду застыли у аптеки, глядя друг другу в глаза, а потом вдруг стали хохотать, оглядываясь на окно, за которым рыжеволосая аптекарша «лечила» очередного клиента.

– Лока, лока! – повторял Анхель, качая головой и вытирая слезы от смеха.

– Это значит «сумасшедшая»? – повторила я. – «Living la vida loca», помнишь, есть такая песня старая?

– Да, Рики Мартин, – кивнул он, посерьезнев, – знаешь, это у меня сейчас la vida loca. Сумасшедшая жизнь. У меня же родители разводятся. Мама возвращается сюда.

– О, – сказала я, сообразив, почему он приехал сюда: адаптироваться к новой жизни, ждать приезда мамы.

С одной стороны, я ему очень сочувствовала! С другой – нет худа без добра. Если бы он не возвращался с мамой в Москву, мы бы не познакомились с ним. У меня на языке вертелся вопрос, в какую школу он будет ходить, но я побоялась, что не смогу скрыть радости, что он будет учиться здесь, а сейчас это бестактно.

– Сочувствую, – сказала я, – у нашей Али родители тоже развелись лет пять назад. Она такая расстроенная ходила. У нее прямо депрессия была. Туська ей все мятное масло совала для успокоения.

– А кстати, давай откроем пузырек, который мы купили для твоей подружки? – вдруг сказал Анхель, протягивая руку.

– А ты не боишься? – кокетливо улыбнулась я. – Ты слышал же, оно – афродизиак. Влюбишься еще!

– Мне кажется, я и так, – пробормотал Анхель, откупоривая бутылочку и поднося к носу, но закончить фразу он не успел – у меня зазвонил телефон. Я глянула на экран, собираясь сбросить вызов (ну кому я понадобилась в такой важный момент?!), но звонила Туся.

Я скорчила Анхелю рожицу, мол, прости, и поднесла трубку к уху:

– Ну, наконец-то! Куда пропала?! Все в порядке? Как там Оля? Ты где вообще?

– Я дома, – устало проговорила Туся, – Оля тоже. Ее выписали сегодня.

– Определили, на что у нее аллергия была? – нетерпеливо спросила я.

– Да. На орехи. Ее мама сказала. И анализы подтвердили.

– А когда она орехи ела? – удивилась я.

– Мороженое, помнишь? Оно было обсыпано орехами... А Оля съела целых два.

– Зачем же она ела мороженое с орехами, если у нее на него аллергия?! Вот балда! Совсем потеряла голову от своего Егора! Значит, ты ни при чем. Ура! Слушай, я купила тебе подарок! Жасминовое масло той фирмы швейцарской, помнишь, которая тебе нравится, и оно...

– Здорово пахнет, – добавил Анхель.

Я тепло улыбнулась ему.

– Кто там у тебя? – напряглась Туся.

– А, это Анхель! Помнишь вчерашнего парня, который пел со мной по-испански!

– Ты с ним?

– Ага!

– Я же тебя предупреждала – не надо с ним встречаться! – Туся сказала последние слова так громко, что я с опаской поглядела на Анхеля – не услышал ли он?

Но парень с увлечением вдыхал аромат жасминного масла, даже глаза прикрыл от удовольствия. Интересно, неужели он и правда влюбился в меня?! Мне не терпелось это выяснить!

– Туся, давай ты мне все нотации дома прочитаешь, а? Я позвоню тебе вечером!

– Подожди! – крикнула подруга. – Ты не понимаешь! У него родители разводятся.

– Я знаю, – терпеливо ответила я, – я тебе еще раз говорю, давай обсудим все детали вечером!

– Они разводятся, и он остается с отцом! В Испании. Он тут всего на пять дней, понимаешь? А потом улетит обратно в свою Саламанку и в следующий раз вернется только летом. А может, и не вернется вовсе! Теперь ты понимаешь, почему в него нельзя влюбляться?

Я не ответила. Я все так же прижимала трубку, но она сползла – от уха, по шее, дальше – к груди, а потом я чуть не выронила ее в снег.

Анхель по-прежнему стоял с закрытыми глазами, улыбался и вдыхал запах жасмина. Я почувствовала горечь во рту.

Так он заигрывал со мной только для того, чтобы «с пользой» провести тут пять дней? А потом бросить меня и улететь в далекую Испанию.

«Мне кажется, я и так». Болтун!

Я отвернулась от него и, подняв воротник, двинулась к остановке.

– Ты куда? – крикнул Анхель, когда понял, что я ушла уже довольно далеко от него.

Он бежал за мной, что-то крича, а я брела, глотая мелкие, как ледяные градинки, злые слезы и бормотала: «Вот так, все кончено. Прилетела снежинка. Об землю – шмяк!»

Глава 6

Клад

Прошло несколько дней, начались каникулы. До праздника Нового года оставалось четыре дня.

Я объявила себе и родителям, что это оставшееся до праздника время могу на полном основании использовать для своего самого любимого занятия – ничегонеделанья.

Мы с мамой забили холодильник какой-то необременительной, но в то же время невредной едой вроде творога со сметаной, сыра, мандаринов и бананов, и я заперлась дома, впуская и выпуская только одну Туську.

Насчет ничегонеделанья надо пояснить. Конечно, мы не спали весь день напролет. Просто мы не делали ничего полезного.

Например, я распустила пять разных носков – желтый, красный, синий с зелеными крапинками, голубой в белую полоску и фиолетовый и, разлегшись на подушках и вооружившись крючком, вязала что-то невразумительное. Правда, Туська все-таки умудрилась углядеть в этом предмете какой-то смысл.

– Мария! Это похоже на шарф! – заявила она.

Однако я тут же упрямо распускала верхний ряд и тыкала крючком в какое-то неожиданное место, чтобы у меня не получалось ничего осмысленного.

Не делать ничего такого, что имело бы смысл или важность, – вот такой девиз я избрала для последних предпраздничных дней. Родители меня поддерживали, они вообще считают, что нас в школе так напрягают, что мы можем на каникулах лежать, как морские звезды, на ковре и ни о чем не думать.

Правда, их беспокоило, что мы мало дышим свежим воздухом, поэтому мы с Туськой иногда по целой минуте проветривали комнату.

Итак, я вязала, грызла сухарики, которые притаскивала Туська в мешочках, освободившихся от банок с аромасламами, – после той истории с Олей Туся никак не могла заставить себя снова ими заниматься – и старалась ни о чем не думать.

Но впервые в жизни у меня это не получалось.

В мыслях я все равно возвращалась к тому дню, когда меня нагнал запыхавшийся Анхель и, закашлявшись от холодного воздуха, выдохнул:

– Ты оставишь мне телефон?

Сколько раз в жизни у меня просили телефон? Два. Один раз – какая-то мелочь в лагере, года на три младше меня. Второй раз – дядька, распахнувший дверь машины с затонированными стеклами, после того как я наотрез отказалась влезать туда, чтобы он меня подвез.

В общем, вот так, как сейчас, по-нормальному – ни разу. Поэтому мне было тяжело, но я ответила:

– Нет, прости!

Наверное, в своей Испании он не привык к отказам, потому что у него просто глаза на лоб вылезли.

– Но, – начал он, – но...

– Твой автобус! – сказала я и практически втокнула его внутрь через дверь, гармошкой отъехавшую в сторону.

Напоследок я успела выдернуть у Анхеля из рук свое жасминовое масло. В окне отъезжающего автобуса еще долго виднелось ошарашенное лицо моего испанца, и непонятно, чем он был больше ошарашен – тем, что я отказала ему, или тем, что вообще-то это был и мой автобус...

Я занесла Тусе пузырек с маслом, а она в ответ рассказала, что у нее в подъезде кто-то написал несмываемым маркером «Вонючая ведьма».

– Это, может, не про тебя, – растерялась я.

– Там внизу приписано двадцать семь, – мрачно отозвалась Туся.

Мы обе подавленно молчали. Двадцать семь – номер ее квартиры.

– Так что забирай свое масло, – вздохнула Туся.

Но мне тоже оно просто жгло руки! При одном взгляде на пузырек сразу вспоминался Анхель, его закрытые глаза, его тонкий нос с горбинкой, его еле заметный акцент... «Мне кажется, я уже...»

В сердце начинало пощипывать, и я еле сдерживала слезы.

Поэтому, уходя, я оставила пузырек с жасминовым маслом на коврике перед входом в квартиру номер двадцать семь.

Однако на следующий день Туська притащила мне его домой и потихоньку затолкала в ящик стола. Она думала, что я не вижу, а я позволила ей так думать. Во-первых, мне было ее жаль. Во-вторых, она наконец-то приготовила мой любимый индийский чай с молоком, кардамоном и корицей, который вместе с вязанием очень успокаивал меня. А в-третьих, я не рассказывала, что потеряла голову от сногшибательного испанца и безуспешно пытаюсь найти ее и поставить на место. Туся не знает, что аромат жасмина мешает мне это сделать, отвлекает и... причиняет боль.

– Ты не против телика? – спросила Туся, в очередной раз с подозрением покосившись на странный предмет, выходящий из-под моего вязального крючка. – Там сейчас передача будет про ароматерапию...

Я покачала головой и сказала:

– Зря ты обращаешь внимание на всякую ерунду. Ну, написал кто-то на стене про «ведьму». Ну ты же знаешь, что ты не виновата в приступе Олиной аллергии.

– Врач сказал, что даже если у Оли не было аллергии на мои масла, они могли у нее спровоцировать этот приступ, потому что она вылила на себя почти полпузырька!

– Ну вот она сама и виновата! – воскликнула я, чуть не уколовшись крючком. – Если ты знаешь, что у тебя аллергия, зачем такие вещи трогать?

– А Аля говорит, что я виновата, – вздохнула Туся, щелкая с канала на канал в поисках передачи, – что я должна была спросить, нет ли у кого аллергии.

– Кстати, – вспомнила я, – Аля-то и вылила на Ольгу полпузырька! Так что еще неизвестно, кто виноват!

– Все равно, – покачала головой Туся, – я пока не могу ничего делать... Эх... Хоть посмотрю на настоящих ароматерапевтов... Вот этот канал.

Было странно видеть Тусю, всегда такую энергичную и занятую делом, в кресле и с пультом в руках, но я понимала – ее здорово подкосила история с Олей, которая, кстати, ни капли не винила Тусю, а, наоборот, позвонила и извинилась, что причинила моей подруге столько неудобств.

До Туськиной передачи оставалось еще несколько минут, и мы стали ждать, пока закончится предыдущая – про стalkerов. В ней говорилось, что в последнее время у подростков появилось модное увлечение – они забираются в заброшенные дома, больницы, школы и исследуют там все, фотографируют и выкладывают в разные интернет-сообщества.

– А я знаю, где эта школа! – сказала Туся, указывая на экран. – У меня там бабушка живет, на Войковской. Я ее часто проезжала, просто не знала, что она заброшенная.

Я оторвалась от вязания и уставилась на экран, где показывали старое, местами обуглившееся здание, заброшенные классы, в которых остались тетради на столах и книги на полках.

– Погоди-ка, – пробормотала я, – а ведь можно и продлить полет...

– Какой полет? – не поняла Туся. – А, вот моя передача начинается!

Но я забрала у нее пульт и выключила телевизор, невзирая на вопли подруги.

– Влюбляться нельзя, да? – прищурилась я.

– Ты о ком? А, об этом своем испанце...

– Да! Влюбляться, значит, нельзя. Но загадку-то загадать можно? В игру поиграть? Можно?

– Смотря в какую игру, – осторожно сказала Туся.

– В отличную, – потеряла я ладони и изложила Туське свой план.

– Ну, у меня только два вопроса, – сказала она, когда я закончила, – во-первых, мы собирались лениться. А во-вторых, что будет нашим кладом?

– Знаешь, я уже не могу лениться, как раньше, – призналась я грустно, – мне что-то мешает.

Туся посмотрела на меня с понимаем.

– А что касается клада...

Я огляделась. Мой взгляд упал на вязание, которое я отбросила в сторону, когда меня осенило. Я сощурилась. Мне показалось, что как я ни старалась не вязать что-то осмысленное и толковое, все равно в бесформенном вязании угадывались знакомые очертания...

Через час мы уже медленно ползли в переполненном трамвайчике в сторону заброшенной школы. Людей было полно, большинство тащило разноцветные коробки, перевязанные лентами, обычные коробки с техникой, пакеты с танками, кубиками и куклами – то есть подарки. Кто-то умудрился забраться в толпу с елкой, и каждую минуту раздавалось:

– Уберете вы ваши колючки подальше от моего лица?

– Куда же я их уберу, меня они тоже колют! – простодушно отвечал хозяин елки.

Пахло мандаринами – почти у всех старушек, чинно восседавших в креслах трамвая, на коленях стоял черный шуршащий пакет с фруктами, местами прорванный острыми «носиками» бананов.

Наконец, мы вылезли на остановке и подошли к старому зданию. Меня охватило волнение – одно дело планировать такое мероприятие дома, разыскивая в интернет-сообществах информацию по этой школе, а другое – стоять рядом с ней, собираясь вломиться. Мимо нас проехала патрульная машина.

Мы тут же уткнулись в свои телефоны, притворяясь, что читаем сообщения. Окно патруля опустилось, и по окнам школы скользнул луч фонаря. Потом стекло поднялось, и машина тронулась. На нас никто не обратил внимания.

– Надо сейчас! – шепнула я Туське. – До следующего патруля.

Чуть задышавшись от волнения, мы быстрым шагом направились к входу в школу. Дверь была заколочена. Окна тоже. Я кивнула Туське, и мы обошли школу справа.

У меня стучало в груди и в ушах, и мне казалось совершенно нереальным, что я решилась на такой поступок – забраться зимним вечером в заброшенную школу! И ради кого? Впрочем, я знала, ради кого, и боялась признаться в этом даже себе самой. «Это просто игра, – шептала я, – просто чтобы развлечься перед Новым годом. Просто игра. Он уезжает через четыре дня. Какие к нему могут быть чувства?! Никаких!»

Возле черного входа Туся остановилась.

– А вдруг там бомжи? – прошептала она, хватая меня за рукав.

– Ну, – замаялась я, – мы далеко-то не пойдем. Прямо у входа спрячем. И потом – сама видела – тут патруль!

– Так он с той стороны, – покачала головой Туся, – а тут и нет никого.

Она огляделась. Пустынный двор с разбросанными досками, из которых торчат гвозди, и разбитыми ящиками казался зловещим.

– Пошли! – я дернула ее за рукав. – А то так никогда не решимся!

Мы осторожно отворили дверь черного хода и вошли, прислушиваясь к каждому шороху.

Туся вздрогнула:

– Кто это там?

Я тоже дернулась, но потом разглядела и, переводя дух, проворчала:

– Чего пугаешь?! Это просто шкаф!

– Тише ты, – ответила Туся, – вдруг они набегут...

– Кто?

– Не знаю... Привидения...

– Да ну тебя! – отмахнулась я. – Давай мы лучше придумаем, куда это спрятать.

Я показала на пакет, который сжимала в руках.

Туся кивнула на класс, в который была распахнута дверь. Повсюду там валялись книги, брошенные журналы, газеты, в углу лежал разбитый глобус, тут же – пустые бутылки из-под кока-колы, вероятно, оставленные нашими предшественниками. Туся вошла в класс, что-то хрустнуло у нее под ногами, и тут вздрогнули мы обе. Я зажала себе рот шарфом.

– Давай сюда спрячем? – шепотом предложила Туся, а потом, видя, что я не решаюсь войти, шагнула ко мне, забрала пакет и сунула его под парту, вторую в первом ряду. Ту самую, на которой мы сидели рядом в школе.

Как только дело было сделано, нам обоим стало легче. Туся выдохнула и даже улыбнулась.

– Можем идти? – спросила она.

– Подожди, – зачарованно проговорила я, осматривая стены, на которых висели обрывки плакатов и географические карты, обуглившиеся со всех концов, – тут такое необычное место... Когда мы еще тут окажемся...

– Главное, чтобы здесь согласились оказаться два других человека, – фыркнула Туся.

Она подошла к стене, на которой было написано: «Никита Бельков был тут», и число. Рядом, конечно, была стрелочка и подпись: «Урод, который пишет на стенах». Туся потерла лоб. Наверное, стояла и вспоминала «Вонючую ведьму».

– Знаешь, – сказала она, – мне кажется, это был Алькин почерк.

– И чего она к тебе привязалась? – вздохнула я, садясь на корточки и поднимая с земли обложку от учебника по химии за девятый класс.

Я действительно не понимала, зачем Аля цепляет Туся. Да, весь класс посмеивался над странным увлечением моей подруги, но это происходило обычно на вечеринках или между уроками.

Но зачем ей писать гадости у Туси на стене? Зачем обвинять ее в том, что из-за нее у Оли случился приступ?

– Мама говорила, у них на работе одна тетка так же себя ведет, и это называется провокация, – вспомнила Туся, – ну то есть она специально нас доводит, чтобы мы психанули.

– Знаешь, – сказала я, – а давай никогда не поддаваться на ее дурацкие провокации?

– Да с удовольствием!

Туся подошла ко мне и уставилась на обложку учебника, которую я по-прежнему сжимала в руках, взялась за нее с другой стороны и произнесла:

– Клянусь учебником по химии...

– Обложкой!

– А, точно. Клянусь обложкой учебника по химии не поддаваться на Алины провокации!

Не знаю, что на нее нашло, может, дух героев, в честь которых названа школа, подействовал, но клятва и правда выглядела очень уместно в этих странных обшарпанных стенах, среди покинутых учебников и рваных тетрадей.

– И я клянусь! – потрясла я обложку с другой стороны.

– Ну что, пошли? – спросила Туся, ежась.

– Ага! Только в последний раз проверю, как там наш клад...

Я села на корточки.

– Темновато, – прищурилась я, глянув в сторону окна, – Тусь, ты мне не посветишь...

Я оборвала себя на полуслове. За окном я увидела... Кристину!

– Туся! – воскликнула я, но не успела подруга повернуть голову туда, куда я показывала, за входной дверью послышался громкий лай, я вскочила, мы вздрогнули и, толкаясь, вылетели на улицу.

Крошечная собака темно-коричневого со стальным отливом цвета, одетая в зеленый комбинезон с красными рукавами, отскочила от двери и бросилась в кусты.

Я посмотрела ей вслед – куда она полезла? Неужели там ждет ее хозяин? Или она потерялась? Но собака пролезла сквозь куст и побежала дальше, словно точно знала, куда бежать.

– А чего ты испугалась, когда полезла проверять, на месте ли клад? – тихо спросила Туся.

– В окне была Кристина, – так же тихо ответила я.

– Наша? Близняшка?!

Я пожала плечами. Мне могло и привидеться, конечно. Что Кристине делать в этом районе?

Мы перевели дух, переглянулись и заторопились к остановке. Потихоньку темнело. Полетел снег, и, спрятавшись от него под стеклянной крышей остановки, я достала телефон и протянула Туське:

– Позвонишь Егору? Вы с ним как-то больше общаетесь...

– А если он скажет, что Анхель уже уехал? – лукаво улыбнулась Туся. – Все равно говорить про клад?

– Нет, – буркнула я, – тогда мы вернемся и заберем его сейчас.

Туся бросила взгляд на мрачное здание школы и, покачав головой, принялась жать на кнопки мобильного.

– Алло? Егор, привет! Это Наташа. Ну да, я понимаю, что номер определился, это я так. Слушай, ты с Анхелем общаешься еще? Он не уехал?

Я замерла.

– Ага, ну отлично. Тут Мария предлагает игру. Мы с ней спрятали в одном месте клад. Мы вам его опишем, загадками. А вы его найдете. Хотите сыграть?

– Пусть обязательно сыграют! – яростно зашептала я. – Никаких «хотите»! Скажи ему, что это дико важно!

– А, ага. Хорошо. Ну, что он сказал? О, ну прекрасно. Тогда сейчас мы доедем до дома и позвоним вам. Продиктуем описание места. Завтра поищите. Да, Егор, ну, конечно, это модная игра! Называется «сталкер»! Сегодня по телику даже показывали. Ну, конечно, это айс! Все, до связи! Отбой!

– Кто – «он»? – с подозрением спросила я. – И что «сказал»?

– Анхель твой, – с делано беспечным видом сказала Туся, – он как раз сидел у Егора в гостях. Сказал, что согласен. Как только услышал, что ты где-то спрятала клад, сразу и согласился. Ну чего ты застыла с открытым ртом? Залезай скорее в трамвай, уйдет же!

Глава 7

Волшебная Кнопка

Утром меня разбудил звонок. В полусне я нащупала мобильный под кроватью примерно в том месте, куда должна была его вчера уронить, ответив на последнюю эсмэску от Туськи. С трудом приоткрыла один глаз – незнакомый номер. Тогда я с трудом заставила себя вернуть телефон обратно на место. С трудом – потому что хотелось швырнуть его об стену.

Девять утра! Ка-ни-ку-лы! А кому-то не спится!

И почему я перед сном не выключила в телефоне звук? Ведь тогда я не была бы разбужена таким садистским образом – воплями Антонио Бандераса:

Ая-яй-яй-яй, ай, ми амор,
Ай, ми морена де ми корасон!

Хотя эти вопли я собственноручно скачала вчера с сайта лучших испанских песен, просыпаться под них – не айс, как говорит наш модник Егор.

А главное, кому я понадобилась в каникулы в такую рань? Явно тому, кто не знает, что самое мое любимое занятие – лениться и ничего не делать! И мне кажется, в девять утра я имею на это полное право. В общем, раз не знает этот человек – ну и пусть идет к Деду Морозу. А я буду спа-а-ать...

Я зевнула, но не успела я перевернуться на другой бок и зарыться с головой под одеяло – новый звонок.

– Да что ж такое! – возмутилась я, снова нащупывая телефон.

Я не поверила своим глазам: звонила Туська! Это еще что за фокусы? Уж лучшая-то подруга должна знать о моих привычках!

– Мой милый Тусек! Я, между прочим, сплю! – заявила я, усевшись на кровати и обняв подушку.

– Мария, они заблудились, – растерянно сказала Туся.

– Кто?!

– Мальчишки. Мне только что звонил Егор. А тебе разве Анхель не дозвонился?

– Анхель? – переспросила я и протерла глаза. – А... А когда он мне должен был позвонить?!

– Да только что!

Отшвырнула подушку в сторону и рухнула на нее. Подумать только! Мне звонил Анхель, а я... я...

– Дура...

– Почему я дура? – обиделась Туся.

– Да не ты... я... погоди, а что сказал Егор? Что значит – они заблудились? Они что, уже выехали на поиски клада?! В девять утра?

– Выехали они, наверное, в восемь, а к девяти успели заблудиться.

– Но они догадались, что это за школа?

– Да, они вышли на «Войковской», сели на трамвай, а вышли, мне кажется, на пару остановок позже, чем нужно. В общем, там снегопад, и Егор звонит и вопит, чтобы мы срочно приехали, потому что ему холодно, а Анхель не хочет возвращаться домой до тех пор, пока не найдет клад, спрятанный тобой.

– Он так и сказал?! – поразилась я, ущипнув себя за ногу за то, что не подошла к телефону сразу.

– Нет, это я сейчас присочинила. Анхель просто не хочет уезжать. Упорный парень. В общем, у твоего подъезда через полчаса. Оденься потеплее!

Я встала с кровати, подошла к окну, отодвинула занавеску. За окном и правда мело так, что не был виден дом напротив. Я содрогнулась. Сейчас бы заварить какао и спрятаться под одеялом с книжкой и шоколадкой.

Но тут я представила себе Анхеля, вспомнила, как он смотрел на меня, и подумала: «Еду. Второй возможности поймать такой его взгляд может и не быть. Главное – ограничиться взглядом и не потерять голову... А то потом ой как больно будет падать...»

Поэтому я потрясла головой, стараясь не думать, что у Анхеля, как и у меня, наверное, сейчас волосы слегка завились от влажной погоды, и направилась на кухню за законной чашечкой какао. Ведь на улицу надо выходить с чем-то теплым в животе! А уж в такой снегопад – тем более.

Позже, на улице, когда я подошла к Тусе, она сделала шаг назад. Но я все равно почувствовала запах ее нового аромата и засмеялась.

– Так и будешь со мной ехать? Ты в одном конце вагона, я в другом – перекрикиваться будем? – поддразнила я ее.

– Я просто не удержалась, – смущенно сказала Туся, – ты же знаешь, я долго не могу без своих запахов...

– Да, я знаю, ты маньяк! – хмыкнула я. – Ладно, давай сюда пузырек. Тоже намажусь. Пусть во мне раскроется все лучшее!

– А как ты догадалась, что я взяла пузырек с собой? – удивилась Туся, сунув руку в карман.

– Я же знаю, что ты маньяк! – засмеялась я и потащила ее к метро.

Через час мы вынырнули на «Войковской». Трамвая на остановке не было, наверное, из-за непогоды образовалась пробка.

Мы спрятались под крышей стеклянной остановки. Рядом с нами расхаживал огромный лохматый дядька в странной короткой ярко-рыжей шубе, который громко говорил по мобильному, и две старушки с пакетами. Туся принялась стряхивать с себя снег, а я заметила на стеклянной стенке приклеенное скотчем объявление:

«Вчера, 28 декабря, возле ст. м. «Войковская» потерялся йоркширский терьер, девочка, 1,5 г., окрас – серебристо-коричневый, на животе – клеймо. Отзывается на кличку Кнопочка. Нашедшему гарантировано вознаграждение».

Рядом с объявлением висела черно-белая фотография собачки в комбинезоне. Я схватила Туську за рукав пуховика.

– Смотри! Это же наша вчерашняя псина! Мы ее видели около школы! Она, оказывается, потерялась.

Я достала телефон и скопировала номер, указанный в объявлении. Рядом с номером была подпись – Наталья Михайловна.

– Думаешь, мы ее найдем? – с сомнением спросила Туся, выглядывая из-под козырька остановки.

Еще час назад казалось, что сильнее мести не может, но сейчас мы просто были отделены от мира сплошной белой стеной.

– Не знаю, – пожалала я плечами, – но если вдруг увидим, то сможем позвонить этой Наталье Михайловне. Ты только представь, это, наверное, какая-то бедная, одинокая, беззащитная старушка, которая в Новый год осталась без друга.

– Я смотрю, тот урок по литературе, про святочные рассказы, не прошел для тебя даром, – покачала головой Туся, – вообще не хочу тебя расстраивать, но Деда Мороза не бывает. Если только в кино...

– Девушки! – вдруг вмешался в наш разговор лохматый дядька, сунув мобильный во внутренний карман своей странной шубы.

Мы обернулись и заметили, что в руке он сжимает пучок еловых веток, в которых запуталась серебристая гирлянда.

– Чудеса бывают! – продолжал дядька. – Надо просто в них верить! Держите! Это вам! И не забывайте верить в чудеса.

Он вручил мне пучок своих веток. А потом шагнул прямо в снегопад и исчез.

– Спасибо, – растерянно пробормотала я ему вслед, – но... но...

Мы с Тусей переглянулись.

– Если бы чудеса существовали, Аля бы от меня отвязалась и перестала меня дразнить, – еле слышно сказала Туся.

– Ты не понимаешь! – воскликнула я. – Туська! Это же настоящий Дед Мороз был! Видела, у него шуба из лисы?

– Ага, старая, с проплешинами. На блошином рынке взял?

– Нет, ему гномики лесные сшили! Это правда Дед Мороз, Тусь. Он же мне ветки подарил. Слушай, как ты думаешь, куда он направился в такой снегопад? К саням?

– Тьфу! – воскликнула Туська. – К трамваю он отправился, вот куда! Мы с тобой заболтались и не слышали, как трамвай подъехал.

Мы тоже выскочили из стеклянного домика, прятавшего нас от снегопада, и еле успели запрыгнуть в вагон.

– Мне кажется, там на остановке была Кристина, – вдруг сказала Туся, шагнув к окну, за которым уже ничего не было видно, – она как раз подходила, когда мы выскочили.

– Ты ее видела? – обрадовалась я. – Значит, мне в тот раз не привиделось!

– Да, но что она тут делает? Следит, что ли, за нами?

– Может, у нее дела в этом районе, – пожалала я плечами, – или бабушка, как у тебя. Кстати, подождите!

Это я обратилась к водителю трамвая – он собирался закрыть двери, не дождавшись старушек.

– Там две бабушки еще на остановке! – объяснила я.

– И Кристина, – добавила Туся, дыхнув на стекло и размазав облачко пара пальцами, пытаюсь разглядеть нашу одноклассницу сквозь метель.

Водитель нахмурился, но дождался, пока в трамвай влезут старушки с пакетами. Кристинки за ними не было видно.

Туся пожалала плечами, оторвалась от окна и плюхнулась на сиденье, доставая мобильный.

– Егору позвоню, – пояснила она, – может, они уже нашли нашу школу?

– Ну вы где? – заорал он в трубку так, что слышно было даже мне, стоящей рядом. – Нас тут охрана взяла, в вашей дурацкой школе! Они думают, что вы тут заминировали что-то!

– Я же тебе объясняла, – пролепетала Туся, – там в парте, в первом ряду...

– Мы смотрели там! Ничего там нет, никакого клада! Приезжайте, короче, быстрее! Нас не отпускают!

– Их там охрана поймала, – тихо сказала Туся, – кажется, они влипли. Из-за нас.

У меня внутри как будто все замерзло, несмотря на выпитую перед выходом чашку какао. Веселое настроение пропало. Я оглянулась на «Деда Мороза». Он дремал, устроившись на самом последнем сиденье. Я тихонько положила его подарок на сиденье, с которого поднялась Туська.

В молчании мы вышли на остановке, дотопали до школы, не озираясь, как в прошлый раз. Какая разница – увидят нас или нет, ребят-то поймали.

Они сидели за нашей партой, за той, где мы спрятали клад. Рядом с ними стоял дяденька – низкорослый, лысоватый, в черной форме со значком. Егор бросил на нас сердитый взгляд и, отвернувшись, принялся грызть ногти. Он всегда так делал, когда психовал. На лбу у него, конечно, были солнечные очки. О да, самая подходящая погода!

Анхель, напротив, улыбнулся, увидев меня, и у меня внутри все немного оттаяло.

– Здравствуйте, барышни, – сказал дядька неприветливо, – значит, это вас я вчера чуть не поймал? Я видел, как вы заходили сюда, просто не успел запереть нашу школу.

– А, вы охраняете соседнюю школу? – любезно спросила Туся.

Я покосилась на нее: обычно она такая тихая, моя Туся, тише воды ниже травы. А тут – смело спрашивает охранника, говорит с ним, как на равных. Может, ее аромат и правда действует? Ей, например, смелости придал.

– Да, охраняю соседнюю! – язвительно ответил охранник. – И эту заодно. От хулиганов вроде вас.

Он кивнул на стену, где по-прежнему висело заявление про Никиту Белькова, чья художественная деятельность на стенах кого-то раздражала.

– Мы ничего не писали! – заявила Туся, и тут уже Егор воззарился на нее с удивлением.

Спорить она точно никогда не умела!

– Мы спрятали клад, и все! – продолжила моя подруга.

– Ну и где ваш клад? – хмыкнул охранник.

Туся подошла к парте, за которой сидели мальчишки, прошипела: «Подвиньтесь!» – заглянула внутрь.

– Ой!

– Ну что? – насмешливо сказал охранник. – Где клад-то?

– Нету почему-то...

– Извините, – пробормотала я, – мы больше сюда не придем. Отпустите нас?

– Нет! – вдруг жестко сказал охранник, и я заметила, что у него на поясе покачивается дубинка.

– Почему? – спросили мы вчетвером.

Голос Егора звучал испуганно, а Анхель был искренне изумлен.

– Мы же ничего плохого не сделали! – воскликнул он, поднимаясь.

– Вы сюда залезли, – со значением сказал охранник, – а это опасно. Посмотрите на потолок. На вас балка могла упасть! Убило бы вас, а я бы отвечал, что плохо охраняю эту заброшенную школу.

– И что вы собираетесь с нами сделать? – по-прежнему спокойно спросила Туся.

– Провожу вас домой и сдам на руки родителям.

– Но сегодня рабочий день! – нервно воскликнул Егор. – У меня дома никого нет.

– Да и смысл? – пожал плечами Анхель. – Меня вообще ругать некому. Бабушка точно не станет. Мы вообще не маленькие, на случай, если вы не заметили.

– Никуда не уйдете, – упрямо повторил охранник и положил руку на дубинку.

Повисло молчание. Егор испепелял нас взглядами: мол, ну и дурь вы придумали! А еще утверждали: «Айс, модно!»

Вдруг за дверью послышалось тьяканье.

– Это Кнопка! – встрепенулась я. – Она опять пришла сюда!

– Какая кнопка? – с подозрением спросил охранник.

– Волшебная? – с надеждой спросил Егор.

– Собака, – объяснила я, – я выйду, возьму ее. Она потерялась.

– Никуда ты не пойдешь! Выйдешь ты, выбегут твои поделнички. А мне надоело, что тут шантрапа всякая шастает! На стенах пишет, еще неизвестно чем занимается. Нет, сиди!

– Я стою.

– Ну, стой.

– Безобразия! – возмутилась Туся. – Там старушка бедная и одинокая страдает без своей любимой собачки, объявлениями заклеила весь район, а вы не разрешаете ее взять! Я пойду!

Она шагнула в коридор.

– Не пойдешь! – гаркнул охранник, выскочив за ней.

Он схватил Тусю за руку, мальчишки вскочили с места, и вдруг Туся закричала:

– Осторожнее!

Она смотрела куда-то за спину охраннику. Все обернулись и заметили фигуру в красной куртке, шмыгнувшую в соседний класс. На то место, где только что стоял этот человек, рухнула здоровая балка с потолка...

– Еще один ваш? – грозно спросил охранник.

– Нет! – парировала Туся. – Это ваш! Кто-то, кого вы упустили. Кто-то, кто проник внутрь школы. Мы-то с краю были, а этот человек – в самую глубь забрался. И его чуть балкой не убило! Мы все это видели! Так-то вы охраняете эту школу?

Охранник растерялся и выпустил Тусину руку. Анхель дернул меня за рукав, Егор скорчил что-то вроде извиняющейся рожицы, и мы четверо, не стовариваясь, толкнули дверь и вывалились на улицу. Наша спасительница, йоркширский терьер Кнопка, стояла рядом, потягивая, словно ждала нас.

Я нагнулась к ней и подхватила на руки. Она не сопротивлялась.

– Бежим быстрее, пока этот локо не вернулся! – голос Анхеля прозвучал где-то возле моего уха, и у меня по спине побежали мурашки.

– Валим-валим! – поддержал его Егор, и мы поспешили в сторону трамвайной остановки.

Я прижимала Кнопку к груди и шептала ей: «Спасибо... большое тебе спасибо...»

Глава 8

Ведьма

– Ой, я флакон потеряла, – огорченно сказала Туся, хлопая себя по карманам, – наверное, выронила, пока искала наш клад в парте.

– Так что это было? – дернул меня Егор за рукав. – Ты не сказала.

– Я и не скажу, – мрачно сказала я.

Признаваться в том, что именно мы спрятали, было глупо. Особенно при Анхеле. Егор скорчил обиженную рожицу и стал дуть на пальцы. Перчатки у него, конечно, были модные, с дырками для пальцев. Никогда не понимала этой моды: пальцы же мерзнут!

– Зря я вас послушался и согласился на эту поездку, – проворчал Егор, – ерунду какую-то спрятали, а я повелся.

– Это не ерунда! – вспыхнула я, и Кнопка, словно подтверждая мои слова, твякнула, высунув мохнатую мордочку из моего пуховика. – Там было кое-что очень важное для меня.

– Жаль, что мы это не нашли, – серьезно сказал Анхель.

– Зато мы нашли вот это, – кивнула Туська на Кнопку, – и нам надо ее вернуть. Мария, звони поскорее Наталье Михайловне, обрадуй бедную одинокую старушку, что Новый год она встретит не одна.

Голос у Натальи Михайловны оказался довольно неприятным, тонким и высоким, она разговаривала со мной довольно раздраженно, но я списала это на переживания по поводу пропавшей Кнопки.

Минут через десять мы ввалились в ее темный подъезд, пропахший кошками, потоптались, отряхивая снег с ботинок, и нашли квартиру Натальи Михайловны на втором этаже.

Анхель нажал на кнопку звонка. Дверь распахнулась.

Странная за ней стояла старушка. Низенькая, в черном свитере, расшитом белым жемчугом на груди. Карманы свитера украшали крупные белые пуговицы, а черная юбка была настолько длинной, что волочилась по полу. Розовые, коротко стриженные волосы и, самое главное, глаза-щелочки. Сначала мне показалось, она к нам присматривается. Ну то есть плохо видит и пытается разглядеть, кто пришел. Но когда она заговорила, я даже вздрогнула от ее презрительного голоса:

– А! Явились! Испугались Степана? Но он все равно вам трепку задаст, так и знайте! Получите по заслугам!

Мы переглянулись. Она в своем уме?

– Наталья Михайловна? – на всякий случай уточнила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

– А тебе-то что, воровка маленькая? – с презрением спросила она, протягивая руки.

Но Анхель заслонил меня.

– Она не воровка! – воскликнул он.

– А то я не знаю! – усмехнулась старушка. – Стащат дорогую псину у бедной бабки, а потом поймут, что никуда продать не смогут, потому что клеймо у Кнопки, и давай обратно возвращать! Может, вам еще вознаграждение дать?

Ее левая рука, скрюченная, со вздувшимися венами, не переставая, крутила крупную белую пуговицу на кармане.

– Да не, мы обойдемся, – пробормотал Егор, отступая.

– Нет уж, милоч, будет тебе вознаграждение, – отозвалась Наталья Михайловна, – сейчас мой внук старший, Степка, ему восемнадцать недавно стукнуло, отдубасит вас так, что на всю жизнь воровать разучитесь! Я ему позвонила уже, Степке-то. Он вас у подъезда моего дожидается уже.

Егор перестал отступать.

– Попал я с вами! – взвыл он. – Сейчас бы сидел дома, музыку бы слушал, чаек пил, а тут – здрасте! Что в школе маньяк какой-то, что тут – маньячка... Она сейчас еще и топор достанет!

– Давай собаку! – потребовала у меня старушка. – А то и правда за топор возьмусь.

– Пусть только попробует поколотить, – пробормотал Анхель, разминая кулаки.

Я пыталась понять, что лучше – отдать Кнопку и ломануться к подъезду, но там нас ждет неизвестный Степан, или потянуть время и попытаться все же объяснить старушке, что мы не крали ее собаку, наоборот, мы нашли ее и хотим вернуть! Но как, как ей это объяснить, кажется, она совсем сошла с ума! Чего стоит только ее этот взгляд – тяжелый, немигающий. Под ним я так и почувствовала себя преступницей. В голову поползли дурацкие мысли: «Может, мы и правда украли эту собаку?» Я трянула головой, чтобы дурацкие мысли исчезли, в этот момент мой пуховик распахнулся, и Кнопка изо всех сил царапнула меня когтями по руке. Я взвыла, присела, а Кнопка вдруг выскочила и побежала к выходу. Открылась дверь – кто-то как раз заходил в подъезд, и Кнопка шмыгнула в проем.

– Лови ее! – крикнула Туся.

Я бросилась к двери, Анхель за мной.

– Зачем? – процедил Егор, но, оглянувшись на старушку, поспешил за нами на улицу.

Мы погнались за Кнопкой, которая улепетывала от нас, как перепуганный заяц. Пару раз теряли ее из виду. Мы поднажали и чуть не налетели на огромного дядьку – того самого, лохматого, в лисьей шубе. Хорошо, вовремя затормозили! Анхель обошел его с одной стороны, Егор – с другой, я притормозила, а Туська увидела то, что увидела я, но не заметили ребята, и крикнула:

– Стойте!

Кнопка дрожала в руках у дядьки.

– Это наша! – заявила Туська «Деду Морозу», и он молча отдал ее. А заодно всучил мне букет веток, которые я оставила в трамвае.

– Ой, – я покраснела, – спасибо, извините я... я их нечаянно оставила...

– Да, я понял! – кивнул он. – Поэтому и вернулся, чтобы тебе их снова вручить!

– А откуда вы знали, что мы... – пролепетала я, но он повернулся и ушел.

Анхель проводил его взглядом и развернулся к нам.

– Ну? – спросил он. – Что делать будем?

Туся молча гладила дрожащего йоркшира.

– Кнопка, – нежно говорила она, – Кнопочка... Не бойся, мы с тобой...

– К бабке пойдем, что же еще! – усмехнулся Егор.

– Согласна, – кивнула я.

– Вообще-то я пошутил! – воскликнул Егор. – Вы чего, с дуба рухнули?! Не, ребят, собаку сейчас закинем в подъезд, и все. Никакой бабки. Бабка ваша – реально не айс.

– Нет, – сказала я твердо, – я хочу отдать собаку Наталье Михайловне.

– Да она не Наталья Михайловна, она ведьма! – возмутился Егор. – Ты к ней с собакой, а она к тебе с кочергой! Раскаленной кочергой. Треснет по башке и даже не заметит.

– А ты, Егор, трус, – спокойно сказала Туся.

– Это называется чувство самосохранения, – гордо сказал Егор, – я – домой. Кто со мной?

– Ты трус, – упрямо повторила Туся.

– Ну если и так, что с того?! – заорал вдруг Егор. – Ну трус, и что? Мне страшно! Это нормально – бояться. Я боюсь, и ничего нельзя с этим поделать!

– Можно, – возразила Туся.

Она передала мне Кнопку и сунула руку в карман. А потом хлопнула себя по лбу и воскликнула: «А! Совсем забыла, я же его потеряла!»

– И что ты хотела мне предложить? Одно из своих суперсредств? – съязвил Егор.

– Не одно из, а одно-единственное! – отрезала Туся. – Да, это суперсредство, которое открывает в человеке самое хорошее, что в нем есть. В тебе сейчас самое главное – трусость. Если бы ты воспользовался моим суперсредством, наверняка было бы что-то другое...

– Угу, – недоверчиво протянул Егор.

– Точно.

– Спорнем? – он протянул ей руку.

– На что? – спросила Туся.

– На поцелуй.

Все замерли, даже Кнопка.

– Э-э-э, на чей? – растерялась Туся. – Ну... то есть кто кого должен поцеловать? Ты меня?

– Нет, Анхель – Кнопку! – сострил Егор. – Конечно, ты меня.

– Но это если в тебе не выявится хорошее, – прищурилась Туся.

– Ну да!

– Ладно. Я уверена, что выявится. Мы с Марией воспользовались этим средством сегодня. Между прочим, мы от охранника только благодаря ему освободились! Потому что я не постеснялась с ним поспорить!

– Ну, посмотрим, – кивнул Егор, – у тебя дома есть еще пузырек?

– Да!

– Тогда погнались к тебе.

– Но как же собака...

– Собаку я не пойду возвращать, – категорически произнес Егор, – хоть убивайте. Если бы ты меня сейчас уже от трусости избавила, тогда – да. А пока – имею право трусить!

Туська бросила на меня растерянный взгляд. Я кивнула ей.

– Идите, – сказала я.

– Закиньте ей в подъезд, – посоветовал Егор, взяв Тусю под локоть и таща ее к трамвайной остановке, – не рискуйте жизнью. Охота вам связываться с ее этим Степаном!

Когда ребята исчезли из вида, Анхель развернулся ко мне. Я слегка дрожала и убеждала себя, что это от холода.

– Ну что? – спросил он. – Закинем в подъезд?

– Нет, – твердо сказала я, – отдадим ей в руки.

– Ты ее не боишься? – удивился Анхель.

Я задумалась. И вспомнила, как рука Натальи Михайловны, не переставая, крутила пуговицу на кармане. Точно так же делала моя Туська, стоя у доски, когда не знала ответа и ждала моей помощи и подсказок с задней парты.

Вдруг я поняла: мне жалко эту взбалмошную старушенцию. Но как объяснить это Анхелю?

– Я не боюсь. Она не опасна.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что никакого Степана не было возле подъезда. Она обманула нас. И... ей было плохо и...

Анхель не сводил с меня глаз. Вот он, тот самый, его сумасшедший взгляд, которым он награждал меня тогда, на вечеринке у Егора. Я хотела улыбнуться, но не смогла – от смущения.

– И мне ее жаль, – закончила я.

Анхель вдруг повеселел.

– Я тоже ее не боюсь. Она похожа на мою бабушку. В детстве она так же кричала на меня, если я притаскивал домой на даче тритонов, и они бегали по комнатам. Зеленые такие, животы в пятнышках. Бабушка их боялась и кричала. А ты молодец. Сильная.

И он зашагал к дому Натальи Михайловны. Я заторопилась за ним, спрятав лицо в шерсти, обрамляющей Кнопкину шею, чтобы скрыть растерянность и радость от его слов.

Глава 9

Мой полет

Если честно, мне было страшно. Я думала, сейчас откроем дверь, и высунется дуло ружья. Или на нас с жутким криком: «Банзай!» – выскочит Степан, которого я почему-то представляла в тельняшке, с наколками и в штанах защитного цвета. Или старушка и правда будет опираться на раскаленную кочергу.

Но вот чего я точно не ожидала, так это того, что когда она откроет дверь, то ахнет и схватится за сердце. А из ее глаз-щелочек ручьями потекут слезы. Капли падали прямо на черный свитер и бесследно исчезали на нем.

– Вы вернулись, – все тем же противным визгливым голосом произнесла она, – пожалели старуху...

Кнопка, словно почувствовав перемену в настроении хозяйки, стала рваться с моих рук к ней, а когда та бережно приняла собаку и прижала к груди, йоркшир затих. Слезы продолжали бежать, но теперь они исчезали в серебристой шерстке Кнопки.

– Простите, – с трудом сказала Наталья Михайловна, – понимаете... она редкая... редкой породы... И дочка, Оленька, мне поручила за ней следить, пока они отдыхают. И я... я знаю, сколько она денег стоит... и все переживаю – украдут ее у меня. Я и дочке сказала: «Украдут, Оленька...» А она: «Ну куда я ее дену, ма». Ну вот я и психую, что украдут нашу Кнопку. А гулять я с ней не могу, ноги болят, ужас. Вот выпущу ее днем, попрошу: приходи поскорее. Она иногла быстро вернется. А иногда – аж вечером. Я за это время вся изведусь. Вот и сейчас – пропала. День нет ее, второй. Я уже соседку попросила объявления расклеить, мне их дочка распечатала на случай, если пропадет Кнопка. Я переживала, даже не ела ничего. Не завтракала сегодня, не обедала, все хожу, мучаюсь, и мысли в голову лезут какие-то темные, мрачные... телевизор включила, а по нему тоже все темное, мрачное показывают, тут убили, там ограбили, ну и взбрело мне в голову, что украли ее. Телевизор я выключила, хожу и твержу: «Украли, точно украли, я же боялась, что украдут, вот и украли мою Масю, мою Кнопку». А тут и вы... Вот я и на вас... Я не оправдываюсь, что вы... Я так... объяснить пытаюсь...

Мы молчали, иногда только переглядывались. А что тут скажешь? Я заметила на стене фотографию – маленький кудрявый мальчик, прижимающий собаку к груди. У меня возникло одно подозрение, но проверить его я не решилась.

– Спасибо вам, дорогие мои, – проговорила Наталья Михайловна тихо, так, что ее голос перестал казаться визгливым, скорее нежным и чуточку грустным, – спасибо, что бабу сумасшедшую пожалели. А ведь никто сейчас не жалеет, никто! Стою я в автобусе. А передо мной девочки сидят. И одна вдруг говорит: «Смотри, бабушка плачет». А вторая поднимается и говорит: «Ага, сесть хочет, вот и ревет». Посмеялись, поднялись и вышли из автобуса на остановке. А я плакала не потому, что сесть хотела, мне стыдно за них было, за девчонок этих...

Я не выдержала и погладила Наталью Михайловну по руке.

– Ну не плачьте, – попросила я, – все же хорошо кончилось. А про автобус... Я всегда уступаю место. Вернее, даже не сажусь, чтобы его не занять. А девочки те сами будут старенькие когда-нибудь... Ну то есть вы не старенькая, а очень даже молодая.

Наталья Михайловна порывисто вздохнула, неожиданно отпустила Кнопку на пол и, подхватив нас с Анхелем за локти, приблизила друг к другу и крепко обняла обоих. Анхелю тоже пришлось обнять меня, а мне его.

– Спасибо, – прошептала Наталья Михайловна куда-то мне между щекой и шеей, – такие вы хорошие... А ты...

Она отстранила от себя Анхеля и строго посмотрела на него:

– А ты береги эту девочку, такие сейчас редкость, уж поверь мне. Обещаешь?

– Клянусь! – ответил Анхель без тени улыбки.

Мы вышли от Натальи Михайловны часа через два. Она усадила нас пить чай с вафлями и домашним вареньем из жимолости и земляники, сама ела с большим аппетитом (еще бы, не завтракала и не ужинала), а потом вдруг призналась, что у нее нет елки, и тогда мы поставили в вазу букет из веток, которые мне подарил странный дядька в лисьей шубе, и нарядили шариками, которые тут же сами накатали из фольги от вафель. Наконец, расцеловав нас на прощание, она отпустила нас, и мы вышли на улицу.

Стемнело. В ярком свете фонаря парили пушистые снежинки.

– Хорошо, что мы избавились от букета, – сказал Анхель, – который тебе подарил этот неприятный старик. Я сам бы тебе подарил такой букет. Если бы знал, что ты любишь колючки. Что мне тебе подарить на Новый год? Кактус?

Он кокетничал. Но я не могла ему ответить в том же духе. Все мои мысли были о Наталье Михайловне. Интересно, ей одиноко без дочки, без внука, которые куда-то уехали?

– Кстати, – вспомнила я неожиданно, – помнишь фотографию в прихожей? Там мальчик лет пяти. Я посмотрела на обороте. Там подписано: «Степан». И дата прошлогодняя. Он маленький, Степан этот. Она выдумала, что он нас поколотит. Она совсем одна, ее некому было защитить. Вот она и выдумала всю эту историю со Степаном.

– А ты ее еще в первый раз заметила?

– Нет. Я просто почувствовала, что она обманывает.

– Она потом так плакала...

– А это, может, и хорошо, – оживилась я, – видел, какая добрая стала после того, как поплакала? Может, у нее злость вышла через слезы? Обнимала нас, на прощание вообще поцеловала.

– Она стала такой, потому что ты ее пожалела, – серьезно сказал Анхель, – это ты добрая. И очень красивая.

– Это я просто Туськиными духами намазалась, – отшутилась я, – они все лучшее в человеке открывают.

Анхель не улыбнулся. Он протянул руку и поправил мне прядь волос, выбившуюся из-под шапки.

– Ты такая красивая сейчас, – повторил он, – ты вообще очень красивая. Когда я тебя увидел на той вечеринке, у меня в голове заиграла музыка. Печальная музыка.

И он принялся напевать: «Дельгадито, еллас но кьерен тус бесос...»

Я отвела взгляд и слушала эту тихую, грустную, полную нежных шипящих звуков песню, еле дыша от счастья.

– Музыка заиграла у меня тут, – сказал Анхель, закончив петь и показав на голову, – и вот тут. В моем сердце. Послушай, как она там играет...

Я шагнула к нему, а он протянул руку и прижал меня к себе.

– Слышишь музыку внутри меня? – вполголоса проговорил он.

– Я слышу музыку внутри себя, – отозвалась я.

– И какая это музыка?

– «Танец с саблями!» – брякнула я.

Анхель расхохотался. Я подняла голову и смотрела, как он смеется – запрокинув голову, громко, от всего сердца. Рассмешить парня – который тебе нравится, – что может быть волшебнее?

А он посмотрел мне прямо в глаза и произнес:

– Мне очень... хочется... тебя... поцеловать... Ты... не против?

– У вас в Испании все спрашивают друг у друга разрешения? – поддразнила его я, преодолев волнение, которое холодом сковало мне горло.

– Это значит – «нет»? – растерялся Анхель.

– Ну, ты можешь подать заявку в письменном виде моему секретарю, – важно сказала я, – он рассмотрит, и в течение месяца...

– В течение месяца? – нахмурившись, повторил он. – Мне ждать месяц?! Ну нет!

Он тронул меня за подбородок, а когда я подняла голову, закрыл глаза и коснулся моих губ своими.

– Пахнешь апельсином, – прошептал он.

– Это же Туськин супераромат, – прошептала я в ответ, – он меня делает самой прекрасной на свете.

– Ты и без него самая прекрасная, – выдохнул Анхель и нежно поцеловал меня сначала в щеку, а потом снова – в губы.

И, словно по команде дирижера, снег снова повалил, как сумасшедший. С неба неисчислимой армадой полетели задорные снежинки, укрывая от любопытных взглядов прохожих двоих влюбленных, которые только начали свой совместный полет...

...Вечером родители задержались – мама, конечно, не успела купить всем подарки, а бедный папа должен был дожидаться в машине, пока она выберет сувениры, открытки, свечи, наборы кастрюлек, очередные книги для меня и очередные носки для него. Мама предупредила, что задержится, поэтому я здорово испугалась, когда в дверь принялись трезвонить, словно начался пожар во всем доме.

Я подкочила к дверному глазку, а потом рывком распахнула дверь – за ней подпрыгивала от нетерпения Туся. Я обрадовалась – впервые с того дня, как Оле стало нехорошо, мой любимый энеджерджер стал похож сам на себя.

Туська стрелой влетела ко мне в квартиру, благоухая жасмином, и выпалила:

– Мы целовались!

– Мы тоже!

Мы поглядели друг на друга, бросились друг другу на шею и стали скакать по узкой прихожей, как две лягушки, сбежавшие из лягушачьей психбольницы.

– Дверь закрой! – скомандовала Туся, когда мы, наконец, отцепились друг от дружки. – Ну?! Как это было?

– Потрясно, просто потрясно, – покачала я головой, – это было красиво... романтично... и... очень нежно! А у вас?

– А у нас – как-то слюняво! – поморщилась Туся. – Мне вообще не понравилось!

– Ну как, как это получилось? – воскликнула я.

Мне не терпелось узнать все подробности.

– Мы пришли ко мне домой, – принялась рассказывать Туся, – я нанесла ему на лоб и запястья свой аромат. И говорю: «Ну как? Пересташь себя чувствовать трусом?»

– А он – да! И давай тебя целовать? – хихикнула я.

– Нет, прикинь? Он еще больше испугался. Как начал психовать: «Ой, а вдруг у меня аллергия? Ой, давай это поскорее смоем! Ой, а вдруг я тоже задыхаться начну?» А главное – сам меня по дороге уверял, что у него нет никакой аллергии. Представляешь себе?

– Конечно, – хмыкнула я, – он же трус.

– Слушай, ну тут и я струсила, – призналась Туся, – Оля до сих пор перед глазами стоит. Побежали мы в ванную, там смыли с него все. А он все дрожит и дрожит. Ну я и погладила его по голове. Ну чтобы он успокоился.

Я засмеялась.

– Ну а что? – растерянно улыбнулась Туся. – Что надо было делать? А он решил, что я хочу с ним поцеловаться. И прилип ко мне секунд на пять. Я потом сказала, что хватит, пора идти.

Еле от него отвязалась, представляешь? А он, пока мы в лифте ехали, все приставал: «Я модно целуюсь? Я точно модно целуюсь?!»

– А ты ему?!

– А я говорю: айс! Ты, говорю, Егор, просто айс!

Я захохотала так, что пришлось опуститься на пол. Туся тоже развеселилась и уселась рядом со мной.

– Не-е, у нас все было очень романтично, – протянула я, – правда, не знаю, чем это кончится... мне бы хотелось провести с ним Новый год!

– Подожди! – закричала Туся. – Как же я сразу не догадалась?! Ну, вернее, я же не знала, что вы теперь встречаетесь!

– Думаешь, поцелуй означает, что мы встречаемся? – с надеждой спросила я, но она, не слушая, схватила меня за руку и потащила к окну в моей комнате.

Подтащила и погасила свет.

– Смотри! – воскликнула Туся, указывая вниз, и я ахнула.

Прямо под моим окном в снегу было вытоптано: «НГ – вдвоем? i Si?»

– Это тебе! – возбужденно сказала Туся. – Точно, тебе!

– Туся, «си» – по-испански значит «да», – прошептала я, – он ведь меня провожал до подъезда. Надо было мне глянуть на него из окна, когда я поднялась!

– А ты не помахала ему вслед? – с изумлением спросила Туся.

– Я постеснялась, – призналась я, – а вдруг он посмотрел бы наверх и увидел, что я за ним наблюдаю?

– Я думаю, он был бы счастлив, – уверенно сказала Туся, – хотя, с другой стороны, ты помешала бы ему вытоптать вот это!

– И что теперь?

– Как – что?! – удивилась Туся и потащила меня за руку в коридор.

Через четверть часа мы, уточнив у Егора адрес Анхеля, стояли под окнами последнего. Свет в них не горел, но я надеялась, что он дома и скоро выглянет в окно.

Только бы не в то время, пока мы здесь!

Со стороны можно было подумать, что мы пританцовываем от холода. На самом деле мы вытаптывали: я – огромную букву «S», Туся – огромную букву «I».

Я хотела вытоптать еще и по восклицательному знаку с обеих сторон слова, как и положено у испанцев, но тут в окне Анхеля зажегся свет, и мы бросились бежать. По дороге у меня крутилось в голове: «А что скажут родители? А разрешат ли они праздновать Новый год вдвоем с мальчиком?» Но до праздника было целых два дня, и я надеялась, что все как-то само устроится и решится.

Уже у моего подъезда я, отдышавшись, спросила:

– Как же мы узнаем ответ?

И тут, как в сказке, вдруг пикнул телефон – пришла эсэмэска. От него. Короткая. Всего три слова. Но каких!

«Gracias. Я счастлив».

Я зажмурилась от радости, вспомнив секунду у подъезда дома, где живут Наталья Михайловна и Кнопка, когда он сказал: «Мне ждать месяц? Ну нет!»

Я снова лечу вместе с вами, снежинки! И пусть мой полет продлится бесконечно!

Глава 10 Наполеон

– Земля вызывает Марию! – произнес Анхель, наклонившись к моему уху и схватив за рукав пуховика. – Прием, прием! Как слышно? В витрину не врежься!

Я очнулась от размышлений. До стеклянной витрины одного из магазинчиков торгового центра «Наполеон», по которому мы гуляли, оставалось еще несколько шагов, но Анхель был прав – не схвати он меня за рукав – я бы точно врезалась.

– Прости... Ты что-то сказал? – пробормотала я.

– Сначала скажи, о чем ты задумалась, – попросил он.

Я опустила голову и спрятала подбородок в черно-сером теплом шарфе, надеясь, что он скроет не только подбородок, но и щеки – они ведь наверняка покраснели. Мысли заметались: что сказать? Не правду же!

– Да думаю, что Туське подарить на Новый год, – наконец, придумала я, и он кивнул, поверив.

На самом же деле я задумалась о том, считается ли Анхель моим парнем. Интересно, дает поцелуй право на то, чтобы думать о нем: мой парень? Или так: «Мы встречаемся». Надо было обсудить это с Тусей вчера. Я потрясла головой, пытаюсь сосредоточиться на том, что говорит Анхель.

– Я понял, что мне это напоминает, – сказал он, указав на витрины магазина одежды, за которыми рядом с манекенами были выставлены серебристые елки, украшенные голубыми шарами, – фильм «Аватар». Помнишь? Там все тоже так сверкало и переливалось. Вот там, перила, смотри! Точно «Аватар»! Ну посмотри!

Он указал на эскалатор, к которому мы приближались. Он весь был увит голубыми светящимися нитями.

– Ага, – согласилась я, а сама вдруг сообразила: эскалатор! Вот она – проверка. Всем известно, что настоящие парочки всегда целуются на эскалаторах.

– На второй этаж будем подниматься? – спросила я как можно равнодушнее, – там есть отдел швейных принадлежностей – наверняка там можно найти подарок для твоей бабушки.

– Давай, – оживился он и пропустил меня первой.

Я шагнула на эскалатор и сразу развернулась к Анхелю. На соседнем эскалаторе тоже поднималась парочка – светловолосая кудрявая она и темноволосый, как Анхель, он. Они едва ступили на эскалатор, тут же принялись целоваться, словно пять лет не виделись.

Я покосилась на Анхеля и чуть придвинулась. Но он, задрав голову, все разглядывал перила второго этажа, увешанные золотыми и красными мягкими бантами.

– Настоящий «Аватар», – пробормотал он, и я дала себе слово выкинуть в мусорку диск с «Аватаром» – до такой степени я ненавидела сейчас этот фильм.

– Осторожнее, не грохнись! – засмеялся Анхель. – Ну ты сегодня просто Спящая Красавица!

Мы доехали до самого верха, и я снова покосилась на парочку. Они продолжали целоваться, уже прислонившись к перилам с бантиками. Я тоже шагнула к перилам, облокотилась на них и бросила на Анхеля томный взгляд. Он вроде бы наконец-то понял, что от него требуется! Шагнул ко мне и вдруг взял один из бантов и вынул из него скомканную конфетную бумажку.

– Придет же людям в голову такое сделать! – удивленно произнес Анхель, оглядываясь в поисках мусорки.

Я вздохнула и уставилась на целующуюся парочку. «Наверное, – подумала я, – она гораздо красивее меня, раз ее спутник просто не отлепляется от нее».

– Я, кстати, говорил тебе, что собираюсь в колледже экологию изучать? – спросил Анхель, и я вмиг забыла о кудрявой красавице.

Мое сердце ухнуло вниз.

– Нет, – пробормотала я, стараясь, чтобы мой голос не звучал так, словно я поперхнулась куском льда.

Но он все равно звучал именно так. И зачем он напомнил мне о том, что он уезжает? Я ведь даже не знаю, когда он возвращается в Испанию... И не хочу знать! Пусть это случится, когда случится, но пока не случилось – я буду лететь вместе со своими снежинками.

– А я думаю заняться медициной, – сказала я быстро, чтобы не дать ему возможность продолжить рассказывать о своей жизни в Испании.

– Да? – спросил он. – Это здорово! У мамы есть подруга, она спортивный врач. Выучилась здесь, а потом подтвердила все свои дипломы и переехала в Мадрид. Мадрид – совсем рядом с Саламанкой, где я живу...

– Да? – выдохнула я.

Внутри меня зажглась, как огонек в гирлянде, надежда. А ведь правда! Я могу выучиться на врача, например, и когда-нибудь переехать к нему. Хотя что это я размечталась... Ведь я пока даже толком не поняла – пара мы или нет... На эскалаторе-то не целовались... Какая же мы пара?

– Что-то ты сегодня невероятно серьезная, – произнес Анхель, взяв меня за плечи и повернув к себе, – давай купим подарок абуэле... в смысле – бабуле, а потом пойдем валять дурака!

– Как мы будем это делать?

– Увидишь! – подмигнул он. – Сначала – дело. Вон твой магазин. Иди, выбирай подарок!

– Может, лучше ты, – неуверенно сказала я, – ты же лучше знаешь ее вкусы!

– Нет уж, лучше ты, – смеясь, сказал он, – если ей не понравится, я скажу ей, что это ты выбирала, и она не станет при тебе ворчать. Мы ведь будем вместе его вручать, ты помнишь?

– Конечно, помню, – улыбнулась я, – а ты хитрец!

Побродив по магазинчику, мы выбрали бабушке Анхеля шкатулку для швейных принадлежностей, голубую, обитую мягкой материей, с несколькими отделениями для катушек и голубым ежиком-подушечкой для иголок, спрятанным внутри.

– Ей понравится, вот увидишь, понравится! – уверял меня Анхель, пока мы стояли в очереди в кассу. – А больше всего ей понравишься ты!

– С чего ты взял? – спросила я с волнением.

– Ну, она же любит меня. А ты – вылитый я! Даже одеваешься так же.

– Да, амиго, ты самый самоуверенный из всех, кого я знаю! – засмеялась я.

– А кстати, твои родители нормально отреагировали на то, что ты отметишь праздник у меня? – спросил Анхель, и я помрачнела.

Я так боялась отказа, что не поговорила вчера с мамой. А сегодня она рано убежала на работу, я еще спала. Может, ее завтра просто поставит перед фактом? «Мама, я новогоднюю ночь проведу с мальчиком... Не волнуйся, не волнуйся, я с ним всего три дня знакома, но я тебя уверяю – он классный!» Мда-а, перспективненько...

– Ты опять мрачная! – возмутился Анхель, оплатив шкатулку. – Да что такое? Завтра праздник, а ты сердитая, как небо в декабре. Ну все! Пошли валять дурака!

Он схватил меня за руку и потащил из магазина.

– Куда мы идем, Анхель?!

– А вот сюда!

Он подволок меня к киоску со всякими новогодними штуковинами. Тут были и огромные ворсистые львы и лисы, улыбчивые медведи и кошки, а посередине – здоровый дракон с выпученными глазами.

– Глянь, – прошептал Анхель, – этого чувака явно достала новогодняя истерия. Даже глаза на лоб вылезли.

– А зачем ты меня сюда приволок? – непонимающе спросила я, рассматривая других драконов – поющих, танцующих, керамических, хрустальных, – да, в «Наполеоне» основательно подготовились к году Дракона!

– Тут есть костюмы!

– Костюмы?!

– Ну конечно! Новогодние! Вот ты кем будешь на Новый год?

– Свинкой! – хихикнула я. – А ты?

– Я так быстро ответить не могу. Я не могу так сразу определить свою сущность.

– Что-о?! – возмутилась я и попыталась его стукнуть, но он увернулся со смехом и молча указал в глубь витрины.

Там, за спинами фарфоровых кукол и зайцев с надменными мордами, одетых в красные и зеленые кафтаны, за коробками с золотыми шарами, свечками и гирляндами, висели костюмы. Кого тут только не было! И деды морозы, и снеговики, и снегурочки, и зайцы, и мишки, и, само собой, драконы.

– Ну нет, – сказала я, намереваясь уходить.

– Ну да, – сказал Анхель, хватая меня за руку.

Он втащил меня за прилавок и сказал:

– Выбирай! Снегурочка?

– Нет, дружище, прости, в моем детском садике принято наряжаться тыквами, а тут – упс! Нет, костюма тыквы! Так что – уходим!

Я выдернула руку, развернулась и нечаянно задела коробку с дешевыми пластиковыми мигающими игрушками. Коробка грохнулась на пол, игрушки рассыпались, продолжая бодро мигать унылым сочетанием красного и синего.

– Ой, – смутилась я, глянув на пухленькую продавщицу, закутанную в голубой палантин, – простите!

– Да ничего, – жизнерадостно ответила она, – а костюмчик тыквочки мы можем вам со склада привезти, если нужно! У нас там все размерчики есть, элечки, эмочки... ваш тоже... эсочка!

Мы присели на корточки и принялись собирать игрушки, давась от смеха.

– Ну что, эсочка, – прошептал мне Анхель, – нести тебе тыквочку?

– Нет, – мрачно сказала я, поднимаясь, – если уж мерить, так вот этот!

И я указала на костюм ведьмы. Он был воистину жутким – седой парик, дырявая шляпа, украшенная брошью в виде таракана, а главное – резиновая маска, с зелеными тенями на веках, с огромным носом, усеянным бородавками, и желтыми зубами, в которые была вставлена сигарета.

Я ждала, что Анхель скажет: «Бр-ррр!» – но он расхотался и спросил у продавщицы:

– А где у вас примерочная?

Через несколько минут я с любопытством взирала на себя в зеркало. После детского сада у меня остались только невеселые воспоминания: воспитательница пытается натянуть на меня костюм снежинки, а он не налезает, и она стоит и приговаривает: «Ну и голова! Ну чистый арбуз!» Сейчас мой «чистый арбуз» отлично поместился внутрь резиновой морды, и я негромко захихикала, представив, что в новогоднее утро разбужу родителей, одевшись ведьмой.

– Готова? – спросил Анхель, а когда я распахнула занавеску, то уже расхохоталась во весь голос – Анхель напялил длинноволосый парик цвета морской волны и очки с усами и розовым носом.

– Ты похож... Ты похож... – силилась я придумать, а потом махнула рукой, – я не знаю, на кого ты похож!

– На бойфренда ведьмы, может быть? – спросил Анхель и вдруг зашел ко мне, задернул занавеску, снял с меня маску и поцеловал.

Поцелуй длился всего несколько секунд, но у меня от счастья просто закружилась голова. Потом он отпрянул и прислушался.

– О-о, – прошептал Анхель, – там, за занавеской, кажется, наша эмочка.

– Ну выходи! – подтолкнула я его к занавеске. – Или стесняешься? Ну тогда я!

Я натянула резиновую маску и выскочила со страшным воем. Продавщицы не было, зато мимо как раз шел пожилой дядечка, который тащил огромную куклу в коробке. От неожиданности он подпрыгнул, вскрикнул и выронил куклу. Она бухнулась и завопила: «Мама! Хочу кушать! Ма-ма!»

– Фу ты, елки, страсть какая! – пробормотал дяденька, хватая свою куклу и улепетывая, не оглядываясь.

– Простите! – крикнула я ему вслед, а потом повернулась к хохочущему Анхелю и развела руками.

Всласть насмеявшись, мы вернули костюмы и только собирались двинуться дальше по коридору «Наполеона», чтобы посидеть в кафе у входа и выпить кофе, как у меня зазвонил телефон.

– Нам надо поговорить, – сказала Туська, – зайдешь ко мне?

– Я на другом конце Москвы. В торговом центре «Наполеон».

– Ого. А чего тебя туда понесло? Ты вроде бы не любитель больших расстояний?

– Я с Анхелем. Он жил раньше в этом районе и позвал сегодня с собой – прогуляться и выбрать заодно подарок для его бабушки.

– Мило, – рассеянно сказала Туська.

Что-то в ее голосе заставило меня махнуть Анхелю рукой, мол, иди пока, я догоню. Он кивнул и отправился в магазин спортивной одежды, а я приземлилась на скамейку у столба, по-змеиному обвитого пушистой гирляндой.

– Туська, что с тобой?

– Это не со мной. Это с Алей.

– А с ней что? – нахмурилась я.

– Слушай... Она себя так странно ведет...

– Достает тебя?

– Нет... наоборот... сегодня я бегала в магазин, у мамы майонез кончился. Ну а там очередь, представляешь себе, какая?

– Конечно, – хмыкнула я и покосилась на очередь к ларьку, торгующему сотовыми телефонами.

– Ну вот, а Аля стояла почти в самом начале.

– И, конечно, сделала вид, что она тебя знать не знает?

– Да в том-то и дело, что нет, – растерянно проговорила Туся, – она меня к себе подзвала.

– Аля?! Наша Алевтина? Ты уверена, что ты ее узнала?

– Ну, она же меня узнала...

– Мда, – пробормотала я, – наверное, за этот добрый поступок она потребовала от тебя что-то несусветное... Продать душу?

– Нет, мы очень мило поговорили. Она расспрашивала меня о том, какое аромасло как действует и что надо нюхать, когда простудился. Ну, я ей посоветовала начать с апельсинового.

Туся помолчала и продолжила:

– А потом мы зашли вместе в аптеку и выбрали ей аромакулон. И апельсиновое масло, конечно. Она спрятала его под свитер, как я и посоветовала. И всю дорогу, пока мы возвращались домой, вдыхала запах.

– Хоть ворчала при этом?

– Нет... млела.

Ревность слегка кольнула меня куда-то под ребра. Это было наше с Туськой занятие – она смешивала свои масла, а я – вдыхала и расспрашивала. И кулончик мой мы вместе купили.

– Тут что-то не так, – сказала я, – что-то она замышляет, твоя Аля.

– Она не моя! Но ты права, на нее это не похоже. Она ведет себя так, словно провинилась передо мной.

– Может, ей стыдно за «Вонючую ведьму»?

– Не знаю, – вздохнула Туся, – в любом случае это странно. А ты что делаешь сегодня вечером? Можно я приду к тебе? Будем делать то, что ты любишь больше всего на свете.

– Это что? – не поняла я.

– Ничего! – засмеялась Туся. – Ты забыла, что больше всего на свете ты любишь лениться?!

– Ага, – призналась я, разглядывая Анхеля, который примерял перед зеркалом белую бейсболку, – нет, прости, не могу... Сегодня мама пораньше с работы отпросилась, будет квартиру убирать. И мне надо с ней поговорить.

– Насчет НГ?

– Да.

– Ого. Ну, удачи!

– Мне она пригодится, – вздохнула я.

Когда я вошла в квартиру, мама стояла возле книжного шкафа и смахивала сверху тряпкой пыль.

– Привет! – обрадовалась она мне. – Ты вовремя! Подержи-ка!

Я разделась, скинула сапоги и, подойдя к ней, приняла стопку книг.

– Свеклой пахнет, – сказала я, – варишь для завтрашнего салата?

– Да, – бодро кивнула мама, – хочу сделать один традиционный салатик с грецкими орехами и черносливом, а один – новый, мне коллега по работе рецепт дала, с козьим сыром и авокадо. Папе, конечно, не понравится, он у нас консерватор, но на тебя я рассчитываю.

Мама подмигнула мне и положила на мою стопку еще одну книгу. Приободренная ее радостным голосом, я осторожно начала:

– Я обязательно попробую твой салатик... Только... первого, ладно?

– А почему не сразу? – нахмурилась мама.

– Я не уверена, что у меня будет возможность. Я... я хотела отпраздновать Новый год... э-э-э ... не дома.

– А где? На Красной площади? Ты же знаешь, мы с папой против.

– Нет, мам, дома... П-просто не у нас.

– С Туськой, что ли, договорились? Так позови ее к нам! Вместе с родителями. У нас и места больше. Запретесь в твоей комнате и делайте что хотите.

– Нет, мам. Меня... меня один мальчик позвал встретить Новый год к себе.

Мама уперла руки в боки и посмотрела на меня сверху вниз.

– Какой мальчик? Из класса?

- Не совсем... Но это хороший друг нашего Егора. Ну, Клюева.
- Так откуда он взялся, этот мальчик?
- Приехал. Из Испании. К бабушке. Его зовут Анхель. Он такой классный, мам. Ну и такой. Хороший. Он воспитанный. Тебе бы понравился.
- Так позови его к нам, – прищурилась мама.
- Ну ма-ам!
- У вас там вечеринка, что ли? Еще люди, кроме него, будут?
- Э-э-э...
- Мария!
- Нет...
- Понятно.
- Голос мамы не предвещал ничего хорошего. Никакого Нового года с Анхелем вдвоем.
- Мам...
- Мария! Приехал на каникулы какой-то парень... Кстати, сколько ему лет?
- Мой ровесник!
- Конечно, приехал на время и ищет себе временную подружку. Ты что, не понимаешь? Это для него как курортный роман!
- Мама!
- Слезы подступали.
- Перестань, мама, не надо так!
- Дурочка ты моя, – мама слезла со стула и попыталась меня обнять, – я понимаю, влюбилась в испанца...
- Он наполовину русский! У него просто имя испанское. Но по-русски он почти без акцента говорит. Правда!
- И сколько ты его знаешь?
- Несколько дней...
- Несколько – это сколько? Неделю? Меньше?
- Я отвернулась.
- Мария... Я против. И папа, я уверена, тоже считает, что...
- Я недослушала, что там считает папа. Убежала к себе в комнату. Шандарахнула дверью так, что постер с Хуанесом, висевший на ней, упал на пол и улетел под кровать. И пусть.
- Я схватила телефон, набрала Туськин номер, чтобы поплакаться ей в жилетку, точнее, в ее белый медицинский халат, в котором она смешивает аромамасла. Но никто не подходил, а мобильный был недоступен.
- Ну и ладно.
- Никто мне больше не нужен, даже Хуанес. А Новый год справлю одна. Выключу свет и буду рыдать в подушку, страдая от несчастной любви...

Глава 11

Побег

Но не успела я зарыдать, как пикнул телефон: сообщение от Анхеля «Вконтакте». «Как дела, ми нинья?» Я проглотила комок в горле. Подсела к компу, открыла русско-испанский словарь и ответила. Мне так не хотелось признаваться, что мама не пускает меня отметить Новый год с ним, что я решила этого не делать. Если честно – я испугалась, что он найдет другую девушку, чтобы пригласить ее в гости. Да, я верила Анхелю, но мамины слова не давали покоя. «Временная подружка», «курортный роман»... Может, я и правда влюбленная дурочка... Как бы то ни было, этот вечер принадлежит нам двоим, и я не позволю его испортить дурным новостям. Лучше о них просто не думать...

Так что я ответила что-то бодрое, получила в ответ что-то нежное, от чего защипало в горле, и мы так увлеклись перепиской, что я не заметила, как наступила ночь.

Я перебралась под одеяло и строчила уже из кровати. Мама пару раз заглядывала ко мне, но я притворялась, что сплю.

Мы болтали и болтали. Анхель рассказывал о поездке в Португалию с друзьями – как они ехали из своей Саламанки часов пять до приморского городка Абейро, как у них на полдороге кончился бензин и как, все-таки добравшись до Абейро, они выскочили из машины и, раздеваясь на ходу, бросились в океан.

Наконец, у телефона села батарейка, и я отложила его. В голове звучали все нежные слова, которые произнес за нашу переписку Анхель. «Ми нинья», «ми чика», «ми амор», «ми корасон». Это значило «моя малышка», «моя девочка», «моя любовь», «мое сердце» и звучало гораздо круче, чем «зайчик» или «солнышко»...

Я заснула, и мне приснился океан с огромными ракушками на берегу. В моем сне мы с Анхелем встречали рассвет, сидя у кромки воды и взявшись за руки.

Проснувшись я в полдень, с кухни слышался стук ножа – наверное, мама уже готовила те самые салаты. Я повалилась в кровати еще немного (ну как не полениться в последний день в году), потом встала, поставила заряжаться телефон, намереваясь позвонить Туське и обсудить с ней странное Алино поведение, как вдруг заметила, что мигает сообщение от Анхеля, которое я не успела прочесть вчера ночью из-за севшей батарейки.

«Ты никогда не спрашивала, но я должен тебе это сказать. Я уезжаю первого числа. Послезавтра. То есть уже завтра».

Я перечла это сообщение раз десять. Потом села на кровать, глядя в пустоту огромными глазами. Он. Уезжает. Завтра. А я... не могу... провести с ним... последний вечер?!

Я вскочила. Быстро переоделась, пролетела по коридору, умылась так, словно спешила на пожар, ворвалась в кухню, чуть не сбив с ног маму, которая в этот момент как раз перекладывала с доски свеклу в салатник. Папа сидел рядом и чистил картошку, отхлебывая кофе из огромной чашки.

– Привет, – улыбнулся он, – ты вовремя. Ешь свой йогурт и поможешь мне чистить овощи. Я, конечно, понимаю, что ты собираешься есть модный салат, но я, знаешь ли, консерватор, и поэтому традиционные салаты...

– Нет, – прервала я его и, набрав воздуха в грудь, продолжила: – Нет, я не могу тебе помочь, я... уйду!

– Куда?

Мама подняла голову и в недоумении посмотрела на меня.

– К Анхелю! Я хочу отметить Новый год с ним! Поэтому я уйду.

– Иди, – спокойно сказал папа, стряхивая картофельные очистки в миску, а когда мама растерянно посмотрела на него, пояснил: – До праздника еще двенадцать часов! Пусть отпразднует с друзьями до вечера, а потом вернется к нам.

– Нет, – отчеканила я, – я останусь у Анхеля на всю ночь.

– Ты с ума сошла? – прошептала мама. – Тебе шестнадцать лет.

– Я не собираюсь делать ничего такого, – буркнула я.

– Ты-то, может, не собираешься...

– И он тоже!

– Откуда такая уверенность?

– Оттуда! Мама, я могла наврать тебе! Сказать, что отмечаю Новый год у Туськи! Но я призналась! Могу написать тебе его адрес. Ты можешь звонить мне, когда захочешь. Обещаю не выключать телефон. Обещаю не делать глупостей, о которых я могу пожалеть.

– Нет, – сказала мама строго, – я в твои годы...

– Ты выдумывала всякие глупости, чтобы бабушка отпустила тебя с девчонками на дискотеку, – горько сказала я, – ты же сама мне рассказывала. А я призналась тебе. И так-то я наказана за свою честность?

– Послушай, это решенное дело! – воскликнула мама сердито. – Никуда ты не пойдешь! Будет тебе восемнадцать – будешь решать сама!

– Пойду! – закричала я, отступая, словно мама собиралась схватить меня за руку.

Мама и впрямь шагнула ко мне, хмурая, губы плотно сжаты.

– Мария!

– Мама!

И я подбежала к двери, схватила куртку и принялась крутить ключ в замке. Мама вышла за мной, но вдруг поднялся папа и взял маму под локоть.

– Оставь ее, – негромко сказал он, – пусть идет. Она права, мы должны доверять ей.

– Ты с ума сошел?! На что ты ее толкаешь?!

– Да ни на что, она же обещала не делать глупостей. И сейчас день, и у нее...

Наверное, он сказал, «есть мобильный», потому что я не слышала последних слов. Я выскочила из дома, на ходу напяливая куртку, страшно злая на маму. Почему она не могла меня просто отпустить? Я же ей честно призналась во всем. Что, надо было пойти и познакомиться с Анхелем? Надо было дать ей возможность содрать с него обещание, что нас ждет просто празднование Нового года и больше ничего? О да, она бы с удовольствием! Может, тогда уж не теряться и замуж меня за Анхеля выдать, пока он не уехал?!

Я остановилась. По моим щекам потекли слезы – злые, колючие, от них щипало щеки. Я утерла их тыльной стороной ладони и спрятала руки в карманы – второпях я забыла варежки, а на улице было морозно. Я нащупала в кармане телефон.

– Привет, – голос у Анхеля был какой-то странный, немного замороженный, – э... по поводу сегодня...

– Я у твоего подъезда, – проговорила я, стараясь, чтобы голос не дрожал от волнения и от холода.

– О, – только и сказал он, а потом выскочил на улицу в одном свитере.

– Что случилось? Ты плакала? Мария? Пойдем в квартиру, ты замерзнешь...

Он приобнял меня за плечи.

– Ты тоже, – прошептала я.

– Что? Я? Да, – рассеянно ответил Анхель, подводя меня к подъезду, но у самой двери развернул к себе и выпалил: – Слушай! Моя бабушка не собирается к своей сестре! В Новый год она будет дома.

– Как? – растерялась я.

– Ее сестра заболела гриппом, и бабушка боится заразиться, – извиняющимся голосом сказал он, – у нее хронический бронхит, и любая инфекция...

– А сколько у вас комнат в квартире?

– Три...

– Ну так...

– А, здесь? Это у родителей три, а тут, у бабушки, – одна.

– Ясно, – сказала я.

Сунула руки в карманы и отвернулась.

– Пойдем? – неуверенно спросил Анхель. – Ты замерзла...

Я кивнула. Мне было все равно. Я действительно замерзла. Не столько снаружи, сколько внутри. Мое сердце превратилось в кусочек льда, прозрачный и холодный. Я поссорилась с мамой, я сбежала из дома, я пожертвовала всем – абсолютно напрасно?

Мы поднялись к Анхелю, его бабушка открыла нам дверь. Миловидная старушка в вельветовой юбке и бежевом джемпере. У нее были такие же карие глаза, как и у внука. Темные волосы, конечно же, крашенные, но благодаря краске было видно, насколько они с внуком похожи.

Она тепло улыбнулась мне, провела в комнату, стала показывать фотографии, на которых Анхель был запечатлен беззубым младенцем. Анхель принес чай и «невадитос» – особые испанские пирожные, которые пекутся в рождественские праздники. «Невадитос» переводится как «снежки», и они действительно напоминали комочки снега, потому что были обсыпаны сахарной пудрой.

Все это мило, просто страшно мило... Но не то... Совсем не то. Мы могли остаться вдвоем, могли погасить свет и шептаться, прислушиваясь к звукам салюта. Я тряхнула головой.

«Это наказание, – дошло до меня, – вернее, судьба смеется надо мной... Я ведь хотела провести Новый год с Анхелем... Вот и провожу... Я нагубила маме... Вот и получила...»

Вопрос только, что мне делать сейчас... Вернуться домой? Не позволяла гордость. Да и провести Новый год с Анхелем и его бабушкой лучше, чем провести Новый год без Анхеля...

За окном темнело, послышались первые взрывы салюта. Я вспомнила о родителях: волнуются ведь!

– Извините, – прервала я бабушку Анхеля, – мне надо позвонить.

– Ты уходишь? – встрепенулся Анхель.

Я покачала головой. Ну нет, давайте уж рассматривать младенцев в памперсах и без памперсов, фото из цирка – где испуганный Анхель обнимает кролика, фото из зоопарка – где еще более испуганного Анхеля обнимает большая косматая обезьяна – и множество фотографий из Испании, на море, на стадионе, в школе, с друзьями, которых я никогда не увижу, потому что завтра он улетит к ним навсегда. Или надолго.

Я вышла в коридор, позвонила маме.

– Можешь не беспокоиться, тут его бабушка, – сказала я.

Мама молчала.

– Ну, мам, – вздохнула я, – ну... прости.

– Возвращайся домой, а? – вдруг сказала мама совсем не строгим, а даже просящим тоном.

Тут замолчала я.

– Ладно, – вздохнула мама, – а сколько комнат?

– Одна, мам, од-на!

– Ладно, ладно... Просто, понимаешь... Как-то непривычно без тебя. И тишина. Мы с тобой всегда слушаем тишину. Ты забыла?

– Нет, я помню... Но я...

– Ладно, как хочешь...

– Я попробую найти тут место, чтобы послушать тишину, – пообещала я неожиданно.

– Где же ты его найдешь, ты же сама сказала, там всего одна комната! – возмутилась мама, и я засмеялась.

– Я тебя люблю, – сказала я неожиданно.

В этот момент в прихожую вышел Анхель и замер. Я послушала мамино ошарашенное «я тебя тоже» и не отказала себе в удовольствии сунуть мобильный в карман джинсов и, посвистывая, развернуться к зеркалу, чтобы поправить прическу.

– Кто звонил? – спросил он напряженно.

Я глянула на него через зеркало.

– А что?

– Да так...

– Мама, Анхель, мне звонила моя мама! – засмеялась я.

– Ах ты, – улыбнулся он, шагнул ко мне и заключил меня в объятия.

Но нас тут же позвала бабушка – ей надо было помочь накрыть на стол. Анхель затопился в комнату, а я развернулась к отражению и, глядя себе же в глаза, твердо пообещала, что в этот вечер выдержу все – и длинные воспоминания, в которые наверняка пустится бабушка Анхеля, и «Новогодний огонек», который она заставит нас смотреть, и даже салат оливье, который обычно не ем ни под каким соусом. Выдержу, потому что я все это заслужила – это раз. И два – я все равно буду с ним. А это главное.

Да, мое терпение было подвергнуто основательному испытанию. Мы смотрели «Иронию судьбы», и бабушка Анхеля проговаривала каждую реплику до того, как ее скажут актеры, а потом нас ждал праздничный стол, который больше всего напоминал минное поле – я внимательно исследовала его на предмет салатов без чеснока и совсем была не уверена в своем выборе, когда нагрозила себе в тарелку что-то розово-желтое, залитое майонезом. Потом меня действительно ждали рассказы-воспоминания о людях, которых я никогда не знала и вряд ли узнаю.

Пару раз я сбегала в ванную – позвонить Туське и послушать тишину. К моему огромному удивлению, Туська тоже праздновала Новый год не дома, с мамой, а у Али! Я приревновала, конечно, но что поделать? Я ведь сама не могла быть с ней...

По поводу тишины... У нас с мамой есть одна традиция. Мы с ней давно заметили, что за несколько минут до начала нового года мир охватывает тишина.

Ее никто не слышит за стуком ножей на кухне, за звоном расставляемых бокалов, за смехом и криками из телевизора. Но она есть, эта трепетная тишина ожидания. Нужно зайти в темную комнату, плотно закрыть дверь и прислушаться. В детстве мама говорила мне, что именно в эту секунду загадываются желания. Некоторые обязательно исполнятся.

Папа добавляет, что исполняются желания потому, что в эту секунду так тихо, что мы слышим себя. А исполнение наших желаний во многом зависит от нас самих. Но мне кажется, что у предновогодней тишины есть и какое-то волшебство, которое от нас не зависит.

Я загадала желание и вернулась в комнату – слушать дальше увлекательнейшие рассказы про друзей бабушки Анхеля и сдерживать зевок.

В комнате меня ждал сюрприз. Бабушка Анхеля дремала в кресле. Анхель щелкал пультом от телевизора.

– Эй! – позвала я, указывая на бабушку.

Он кивнул, встал и накрыл ее шалью. Потом погасил свет и выключил телевизор.

– А как же Новый год? – прошептала я, усаживаясь в кресло у окна.

Он молча сел в соседнее кресло и взял меня за руку. Тишину прорезал взрыв салютов и криков. Бабушка Анхеля пробормотала что-то во сне, но не проснулась. Мы молчали.

- Вот и Новый год, – тихо сказал Анхель, – поздравляю...
- И я тебя, – откликнулась я.
- Прости, я совсем забыл про подарок...
- И я...
- И еще кое-что забыл тебе сказать... Я же сплю не в этой комнате, а на балконе. У бабули утепленный балкон. Может, переместимся туда?

Глава 12

Желание, исполнись!

Анхель дернул занавеску в сторону и открыл балконную дверь со словами:
– Вуаля!
– Это разве по-испански? – пробормотала я, заходя внутрь и осматриваясь.
Теплый ковер на полу, в одном углу – столик с ноутбуком и стул, на столике – чашка с надписью Angel. В другом углу – темно-коричневое кресло.
– Нет, это по-французски, – объяснил он, захлопывая дверь изнутри, – ну, как тебе?
– Мило, – кивнула я, – чисто, вещи не валяются.
– Ну, убрался к твоему приходу.
– Ага... А мне сказать об этом балконе «забыл»?
– Ну, я не знал, что бабуля заснет, – развел он руками, хитро улыбаясь, – не хотел тебя обнадеживать...
– Меня?!
– Ну... и себя.
– А где ты спишь? – я попыталась перевести тему разговора. – В кресле?
– В кресле-кровати, – уточнил он, – оно раскладывается...
Я смутилась еще больше и перевела взгляд с кресла-кровати на столик.
– И каково это?
– Что именно?
– Пить из кружки с надписью «Ангел»? Ощущаешь себя ангелом?
– Так пишется мое имя, – улыбнулся он, – по-испански. Сядем?
Я кивнула, разволновавшись. (Куда? Куда сядем?! Он в кресло, а я ему на колени, что ли?) Мои щеки запылали, и, чтобы он этого не заметил, я отошла к окну.
– Тебе тут не холодно? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.
– Нет, тут даже пол можно теплый сделать, – ответил он, шурша чем-то за моей спиной.
Я провела пальцем по стеклу. Летел снег. Я секунду понаблюдала за полетом снежинок и вдруг отпрянула. К стеклу снова прилепилась та огромная снежинка, составленная из нескольких других. Неожиданно мне показалось, что я слышу серебристый смех, вижу, как она подмигивает мне.
– Что ты хочешь мне сказать? – прошептала я.
– Что? – переспросил Анхель.
Но я молчала, наблюдая за тем, как снежинка, отлепившись, устремилась вниз, к подругам. Она летела свободно, словно увлекаемая за собой.
– Упасть вниз? Полететь без оглядки? – шептала я. – Что? Что ты хочешь сказать?
– Конечно, упасть! – послышался чей-то серебристый голосок в моей голове.
Снежинка улетела, но ее голос, смех, остались со мной.
– Знаешь, как это здорово, – продолжала она, – просто падаешь вниз, ничего не делая, ни о чем не думая.
– Я не могу падать вниз, ни о чем не думая, – возразила я мысленно, – я обещала родителям не делать глупостей.
– Родители? – серебристо-колюче засмеялась снежинка. – А кто это такие?
Я улыбнулась. И правда... кто это? Где они?
– Ну вот, – сказал Анхель за моей спиной, – готово!
Я обернулась. Оказалось, он собрал все пледы и выстелил ими пол на балконе. Принес несколько подушек, кинул их на пол. Поставил на пол две кружки и тарелку с «невадитос» и

конфетами. И... зажег три огромные белые свечи, тоже укрепив их на полу на специальных подставках.

– Вау, – вырвалось у меня, – ты самый романтичный парень из всех, кого я знаю.

– Грасиас, – скромно улыбнулся он.

Я уселась на пол возле свечей и, наблюдая за тем, как дрожит их пламя, взяла «снежок», стараясь не просыпать сахарную пудру, которой он был щедро усыпан.

Анхель плюхнулся рядом, развернулся на живот, подгреб под себя несколько подушек. Я искоса наблюдала за ним. Лететь с ним вниз... Заманчиво... Интересно, а если мы... может, тогда он не улетит завтра?

Это была шальная мысль, вроде той странной сумасшедшей снежинки, которая пригрезилась мне в снежном вихре, но она захватила меня.

Да! Такие вещи не происходят просто так... Ведь это означает, что я доверяю ему... Сможет ли он предать мое доверие...

Я осторожно придвинулась к нему. Улеглась рядышком, чувствуя себя немного подураски с этим «снежком» в руках. Зачем я его только взяла?!

– Вкусно? – спросил он, кивая на печенье.

– Ага.

– Мама пекла.

Упоминание мамы как-то лишало момент романтики, но я не теряла надежды. Откусила кусочек и кивнула.

– Отлично.

Он развернулся на спину, подставив под голову пирамидку из подушек. Улыбнулся мне – задумчиво, немного печально.

– Ты красивая, – произнес он тихо, – ты самая красивая девушка из всех, кого я видел.

Он закинул руку за голову, а другую вытянул вперед и заправил мне за ухо выпавший локон. Однако его взгляд был полон не только нежности, но и печали.

– Мне хотелось бы провести с тобой больше времени, – признался Анхель, – гораздо больше...

«Я готова с тобой проводить все время, какое у меня есть!» – чуть не закричала я.

– И мне хотелось бы, чтобы мы встречались по-настоящему, – наконец сказал Анхель, – жаль, что я уезжаю. Мы могли бы...

Он не договорил. Повернул голову и с грустью уставился в ночное небо. И тогда я поняла – ничего не будет. Сердце защемило – и от обиды (почему не будет? Я что, не нравлюсь ему?), но и от правильности его слов. Ну, случится сейчас то, о чем я, может быть, даже и не пожалею... И что? Что дальше? Он ведь все равно улетит...

Мне захотелось плакать. Я отложила в сторону «снежок», тоже развернулась на спину и легла с ним рядом, устроив голову на его плече. Мне было так горько... Имею ли я право положить голову ему на плечо? Ведь мы не встречаемся по-настоящему... Имею ли я право держаться с ним за руки? Ведь он – не мой парень...

– И что же нам остается? – спросила я, сглотнув горькую обиду со вкусом сахарной пудры.

– Мечтать, – просто ответил он, приобнимая меня.

И мы мечтали... Мечтали всю ночь...

Каждая мечта начиналась со слова «прикинь»...

– А прикинь, тебе родители разрешат приехать летом в Испанию к одному твоему хорошему другу? Я покажу тебе Саламанку... Отвезу тебя в Мадрид...

– А прикинь, твоей бабушке надо будет летом поехать на дачу, а кому-то придется сторожить квартиру, и придется тебе!

– У нас в Саламанке так красиво... Я покажу тебе здание Университета... Оно украшено различными фигурками и барельефами, а на одном черепе, который тоже украшает каменную стену, прилеплена жаба. Настоящая!

– Живая?!

– Ну нет, каменная... Я всегда показываю ее друзьям, когда они прилетают ко мне погостить... И тебе, может быть, покажу...

– А прикинь, твоей маме захочется ну... например... в Михайловское! По пушкинским местам. Или в Константиново – к Есенину. Приедешь с ней туда, а там – бац! На экскурсии – я с родителями!

– Или у маминой сестры, которая живет в Москве, будет свадьба. Ее парень вроде собирается на ней жениться. Если соберется – мы приедем!

– Вот было бы классно!

Мы мечтали всю ночь, пока не прекратился снегопад и не начало светать. Голос Анхеля становился все тише и тише, пока, наконец, он не задремал. А я лежала и смотрела на небо, которое из черного становилось фиолетовым, а потом – сиреневым. Мечты всколыхнули во мне надежду...

Дело в том, что я загадала кое-что, когда поймала предновогоднюю тишину. Кое-что очень важное для меня. Желание было сумасшедшим, несбыточным, но... но почему бы не пометать, встречая на балконе новый день нового года?

Небо тем временем бледнело и бледнело, а потом вдруг – бах!

Все вокруг словно залило молоком. Я осторожно высвободилась из-под руки Анхеля, обнимавшей меня, поднялась и выглянула в окно. Все было белым, как в густом тумане. Потихоньку начали проявляться черные контуры домов и деревьев.

Я оглянулась на Анхеля и осторожно приоткрыла окно. Оно чуть скрипнуло. Анхель не проснулся. Он был такой трогательный спящий... И такой невероятно красивый...

Я оторвала от него взгляд и высунула нос в щелочку приоткрывшегося окошка. Воздух был словно припудренным, непрозрачным, но остро-свежим, как растаявший на ладони комочек снега.

Я вдохнула его и зажмурилась. Желание, исполнись, желание, исполнись, я так хочу, чтобы ты сбылось!

Выдохнув, я прикрыла окно и вновь опустилась на пол. Задула свечу и свернулась клубком возле Анхеля...

Когда я проснулась, рядом его не было. Я вскочила: вдруг он уже улетел?

Но Анхель был в комнате, одетый в спортивный костюм. Увидел меня и толкнул что-то под кровать ногой.

– Что там? – кивнула я на кровать. – Труп?

– Малета, – сказал он, – чемодан.

– Ага...

Я протерла глаза, потянулась.

– Пойду умоюсь...

– Давай. Бабушка там печет блины...

– Здорово. А во сколько ты улетаешь?

– В два.

– Да? Значит, у нас есть немного времени? – я надеялась, что мой веселый голос не звучит искусственно.

Он молча сел на кровать, под которой пряталась эта его «малета». И чего он вдруг заговорил по-испански? Готовится к отъезду? Не терпится уже на испанский перейти?

– Можно было бы сгонять в «Наполеон», – продолжала я храбриться, – примерить костюмчик ведьмы. Мне он понравился!

Анхель слабо улыбнулся.

– Да, и ведь они задолжали нам костюм тыквы! Они же обещали принести его со склада!

– Боюсь, мы не успеем, – тихо сказал Анхель.

– Но ты сам сказал, что улетаешь в два!

– Надо быть там за два часа до регистрации. То есть в двенадцать.

– Так.

– Экспресс в аэропорт у меня в одиннадцать. А до него добираться час. То есть выезжать в десять...

Я достала из кармана джинсов телефон, глянула на часы, игнорируя кучу сообщений с поздравлениями. На часах было 9.30.

– Понятно, – сказала я.

Внутри меня вдруг все застыло. Мне показалось, что я вижу себя со стороны. Вот какая-то девушка в джинсах и белом свитере стоит напротив парня в темно-синем спортивном костюме, готового к вылету в другую страну. Вот сейчас она будет прощаться с ним. Она. Не я.

– Тогда я пойду...

– Ты же хотела умыться...

– Дома.

– А блины?

Я покачала головой. Он встал, подошел ко мне. Обнял меня, порывисто вздохнув.

– Мария, – прошептал он, – моя Мария...

Но шептал он эти нежности не мне... Той, другой девушке. Которая лишь молча кивнула, потом направилась к выходу, крикнув по дороге «До свидания!» любезной бабушке, пекущей блины.

Которая молча надела куртку, молча вышла на площадку, молча спустилась на лифте вниз. Она шла по улице, глядя себе под ноги. Она знала, что он смотрит на нее сверху из окна, но не могла поднять голову. Ей надо было смотреть под ноги, чтобы не оступиться.

По ее щекам струились слезы...

...Как только я зашла за угол, то выхватила телефон и, утирая слезы рукой, набрала номер.

– Туся! Тусечка...

– Мария! – вскрикнула она. – Послушай! Вчера... вчера произошло что-то странное! Я... я поругалась с Алей.

У Туси тоже был такой голос, словно она вот-вот расплачется.

– Это было ужасно, просто кошмар, да еще и в праздник, я не знала, что делать, я хотела позвонить тебе, но боялась... Сначала я страшно удивилась, когда она достала из шкафа...

– Туся, – перебила я подругу, – послушай, мы расстались с Анхелем.

– Как расстались? Надолго?

– Навсегда!

Я залилась слезами.

– Маришечка, – проговорила Туся, всхлипывая, – приходи ко мне, ладно? Прямо сейчас... Хотя стоп! погоди. Когда он улетаешь? Точнее, когда он уезжает из дома?

– Через полчаса, – проревела я, – а что?

– Да так, просто, просто так, – пробормотала Туся, – ничего-ничего, все в порядке. Так, может, ты сначала домой зайдешь, переоденешься, а потом ко мне?

– Хорошо, – всхлипнула я и повесила трубку.

У Туси явно возникла какая-то мысль, но мне, если честно, было все равно. Опустив голову, я побрела домой. Мама будет уговаривать умыться, позавтракать...

Но мне не хотелось ни того, ни другого. Лечь, накрыться одеялом и не думать. Не думать о нем, не думать о нас, не думать о том, что мое заветное желание не исполнилось. Он все-таки улетает.

Глава 13 Камиса негра

И вот, я в «Наполеоне», в кафе у входа. Вспоминаю, как пила латте из стакана на высокой ножке, а Анхель – кофе из френч-пресса, густой, черный, с терпким запахом.

Интересно, раскупили карнавальные костюмы? Интересно, я смогу подняться на второй этаж, проверить это и не разреваться при виде сверкающих гирлянд и лампочек, обвивающих перила, как в «Аватаре».

Наверное, смогу, особенно если не встречу ни одной целующейся на эскалаторе парочки...

Тут я вздрогнула. На экране плоского телевизора, висевшего над барной стойкой, появился Хуанес. Тот самый певец, чью песню я пыталась спеть на вечеринке Егора, чью песню мне помог допеть Анхель... Тот самый, чей постер улетел под мою кровать и до сих пор там валяется.

Хуанес сидел на сцене грустный, прижимая к груди гитару, и пел, конечно... «Камиса негра»!

А внизу, вместо привычных эсэмэсок типа «приятный парень познакомится с приятной девушкой для приятного времяпрепровождения» или «масик, я люблю тебя, твой котик» побежал перевод песни...

Нет, когда-то, когда я разучивала эту песню, я посмотрела в словаре значение каждого слова. Но тогда я не страдала от несчастной любви. Сейчас мое сердце, которое крутила тоска по Анхелю, впитывало каждое слово этой грустной песни, песни о расставании...

Черная рубашка
У меня есть черная рубашка —
Сегодня у моей любви траур,
Сегодня у меня в душе горе,
И во всем виноваты твои чары.
Сегодня я знаю, что ты меня уже не любишь,
И это причиняет мне такую боль,
Что у меня есть только черная рубашка
И горе, что меня терзает.

«Горе, что меня терзает», – шепотом повторила я. Голос певца звучал совсем по-другому.

Раньше мне казалось, что Хуанес поет с насмешкой, но только теперь я ощутила, сколько горечи в его словах, сколько боли, сколько обиды.

Последние слова этой песни обожгли меня:

И у меня есть только черная рубашка
И твои чемоданы у двери.

По-испански это звучало как «и тус малетас ен ла пуэрта». «Малета», – сказал Анхель. «Чемодан». Вот оно.

Наши отношения были обречены с самого начала. Мы влюбились друг в друга, пока пели песню. Но это была песня о расставании. Вот я и получила «чемоданы у двери»...

Все это было известно с самого начала, надо было просто вслушаться в песню! Не стоило, не стоило мне лететь вниз вместе со снежинками... Ведь судьба у снежинок одинаковая. В конце каждая разбивается.

Я вскочила, не допив кофе. Бросила на стол двести рублей и побежала прочь. Если раньше у меня были сомнения – смогу ли я подняться на второй этаж, смогу ли снова увидеть ведьму с сигаретой в силиконовых зубах, – то теперь я поняла – я могу увидеть хоть живого бегемота, только пожалуйста – подальше от слов этой песни, терзающей мой слух и мое сердце...

У эскалатора стояла миловидная барышня в короткой клетчатой юбке. Она сунула мне в руки листок со словами:

– Приходите сегодня в кино, на премьеру фильма «Воспоминания».

– У меня, знаете ли, и так воспоминаний по горло, – сквозь зубы проговорила я, шагая на эскалатор.

Листок я смяла и сунула в карман не глядя.

– И обязательно прихватите с собой вашего молодого человека, – прощепетала мне вслед барышня, – влюбленным парочкам у нас скидка!

Я зажмурилась, но, к счастью, движущаяся лестница унесла меня вверх – подальше от барышни. Наверху я открыла глаза, шагнула на второй этаж.

Медленно приблизилась к лотку с новогодними костюмами... Костюма ведьмы не было, но, может быть, его перевесили.

– Привет! – обрадовалась мне продавщица. – Ну как? Подошел костюмчик-то?

– Какой костюмчик? – не поняла я.

– Ну, ведьмы. Тебе же купил твой парень.

«Твой парень», – это было как обухом по голове.

Я развернулась и снова бросилась бежать. Глупая продавщица перепутала меня с кем-то, а я вот теперь бегу и рыдаю, как дурочка, размазывая тушь. Зачем ноги привели меня в этот дурацкий «Наполеон»?! Кого я тут надеялась найти? Анхеля?!

Я добежала до второго эскалатора. Замедлила шаг и подошла к стеклянному ограждению, отделявшему эскалаторы. Надо было вытереть щеки, нечего народ пугать. Сегодня только второе января, не все еще очнулись после праздника, примут еще за вампира...

Я оперлась одной рукой на ограждение, а другой принялась шарить по карманам в поисках бумажного платочка. Но спокойно постоять мне и тут не удалось.

У стеклянного забора рядом со мной стоял невысокий дяденька. Его лицо показалось мне знакомым. Возле него подпрыгивала девочка лет четырех и громко кричала:

– Папа! Возьми меня на ручки! Возьми!

– Не возьму, – спокойно качал головой папа.

– Возьми! – повысила голос девочка. – Я устала!

– Не возьму! Терпи!

– Не хочу терпеть! Я устала! Устала! – расплакалась девочка.

Папа молча наблюдал за девочкой, которая принялась рыдать все громче и громче, но его руки как были сунуты в карманы куртки, так там и оставались. Наконец, девочка упала на пол и зарыдала:

– Ну возьми-и-ии! У меня ножки болят!

Папа молчал.

– Возьми на ручки! – крикнула она, молотя кулаками по полу.

– А ты и так на ручках! – вдруг ухмыльнулся папа.

– Что? – опешила девочка, на секунду замолчав.

– Ты и так на ручках, зачем тебя брать!

Девочка не сразу поняла, о чем говорит ее папа. А когда до нее дошло, она разрыдалась с новой силой. На них стали оглядываться прохожие.

– Ладно! – сказал папа, вытащив руки из карманов. – Беру!

Я перевела дух. Наконец-то смягчился!

– Ты хотела на ручки? – спросил папа, подхватив дочку под мышки и поднимая ее повыше. – Ну вот ты и на ручках!

Он поднял ее и, к моему ужасу, перенес через стеклянное ограждение. Повиснув над движущимися эскалаторами, девочка издала истошный крик и замолчала. А папа держал ее над пропастью и громко спрашивал:

– Ну что? Хорошо на ручках? Хорошо?

Тут уже не выдержала я и заорала. Папа оглянулся на меня, а с другой стороны к нему вдруг подошел кто-то огромный и лохматый, развернул его за плечи, заставив вернуть девочку на пол. Я вздрогнула, узнав своего старого знакомого – здорового, похожего на Хагрида из «Гарри Поттера» дядьку в свалывшейся лисьей шубе.

– Ну-ка, не шали! – прикрикнул дядька, но не на девочку, а на ее папу.

– Что? – не понял папа девочки.

– Не шали, говорю! Не то самого на ручки возьму! Взять?

Дядька шагнул поближе.

– Не надо, – буркнул папа девочки и, схватив дочку за руку, двинулся к эскалатору.

– То-то же! – усмехнулся ему вслед мой знакомый. Он проводил папу с девочкой долгим взглядом, а потом обернулся ко мне и подмигнул.

– Здравсте, – пробормотала я.

В это мгновение с эскалатора сошла целая толпа школьников. Они двинулись прямо на моего знакомого, обступая и обгоняя его, хохоча, перекидываясь разноцветными шуршащими мячиками для игры в сокс¹, стягивая друг у друга шапки и подбрасывая в воздух, лопаю пузыри жевательной резинки и выкрикивая какие-то новогодние приветствия. Когда толпа прошла мимо меня, моего знакомого в лисьей шубе уже не было на месте.

И вдруг я вспомнила – где я видела этого дядьку, папу девочки. Это был папа нашей Али! Они с Алиной мамой развелись давно, пять лет назад. Он почти сразу женился, и у них родилась девочка, вот эта, которую я видела сегодня. Аля пару раз упоминала о сестре, но довольно неохотно.

Но меня озаботило другое. Этот папа... Что он сделал со своей младшей дочкой? Зачем он так ее напугал? Это просто ужасно, мой папа никогда бы со мной так не поступил, как бы я ни плакала, как бы ни капризничала. И мама тоже.

Внезапно мне стало жутко жалко Алю. Мне никогда она не нравилась, мне казалось, она только использует людей в своих интересах. У кого-то списывает, кого-то гоняет себе за колой в школьный буфет, кто-то ей красит ногти, кто-то носит ей учебники, потому что в ее дамскую сумочку они не влезают. Но, главное, все должны были восхищаться ею, постоянно говорить, какая она крутая. И мне было обидно, что Алька каким-то магическим образом завербовала мою лучшую подругу! Почему Туська отмечала Новый год у нее? Почему Аля позвала ее в обход всей очереди в магазине?

Да, я ревновала. Но теперь до меня дошло, что, во-первых, я ведь и сама бросила Тусю, сосредоточившись на Анхеле. А во-вторых, как тут не понять Алю – с таким папашей, конечно, хочется, чтобы тебя все любили.

Вместо платка я достала мобильный и набрала Туську.

– Привет, дорогая, что делаешь, куда ходишь?

---

¹ Сокс – одна из разновидностей игры футбэг (вид спорта, в котором нужно бить по небольшому мячу, также называемому «бэг»), очень распространенная среди молодежи.

– Мария! – обрадовалась Туся. – Куда ты пропала? Я – дома.
– Аля звонила?
– Откуда ты знаешь? – удивилась Туська. – Ну да... звала на посленовогоднюю вечеринку. Я не пойду...
– А со мной?
– А ты хочешь к ней?!
– Да, можно сходить.
– Ну, давай, – опешила Туся, – я думаю, она будет не против. Она любит, чтобы было много народу. И чтобы все говорили ей, какая она классная.
– Ну, это не сложно сказать, – вздохнула я, – давай скажем. Только с условием, чтобы она перестала психовать и выпендриваться.
– Что это с тобой?
– Я тебе попозже расскажу, почему это важно.
– Нет, скажи сейчас!
– Ну ведь она и правда нормальная, если не выпендривается.
– Ладно. Ты что-то скрываешь. Что ж, у меня для тебя тоже есть сюрприз.
– Какой?
– Скажу попозже!
– Ну Туся!
– И не проси. Хочу видеть твои глаза.
Я улыбнулась и положила трубку. Что ж, пора домой... Путь мне предстоял неблизкий, «Наполеон» находился далеко от нашего дома.
А может, это и хорошо. Не будет маячить перед глазами – не буду вспоминать так часто о... о нем.
Кстати!
Я сунула руку в карман и достала скомканную бумажку. Аннотация к фильму, на который мне надо было привести бойфренда, чтобы получить скидку, гласила:
«Воспоминания – странная штука. Они согревают... но и рвут душу на части».
Это была чистая правда. Только наоборот. Всю дорогу, пока я ехала в мерно покачивающемся, пахнущем хвоей и мандаринами, засыпанном конфетти вагоне метро, я дремала и вспоминала об Анхеле. Но воспоминания не только рвали мне душу. Иногда они и согревали, словно какао, специально заваренное для меня лучшей подругой в холодный зимний вечер.
Перед тем как зайти к Тусе, я решила заскочить домой. Мне надо было переодеться и накраситься заново: наверняка я не до конца стерла темные разводы на щеках.
У подъезда я закопалась – долго шарила по карманам в поисках ключа. Мой взгляд упал на сугроб под окнами. Внезапно я ощутила в ногах слабость. Таковую, что чуть не упала.
Под нашими окнами было вытоптано: «Hola!». «Привет!» – по-испански. «Кто это сделал? Егор?! Аля? Кто надо мной издевается?» – судорожно размышляла я, забыв о поисках ключа.
Внезапно дверь подъезда открылась, из него вышел... Анхель.
Подбежал ко мне и подхватил меня.
Вовремя.
Не то я бы рухнула в снег!

Глава 14

Te quiero

Входную дверь, к счастью, открыл папа.

– Пап, привет, это Анхель!

– Ага, – только и сказал папа, – рад познакомиться. Вячеслав. Хотя мы уже виделись.

Анхель кивнул, но они все же пожали друг другу руки. Я не спросила, когда это они, интересно, виделись. Засекла взглядом коробку, стоящую на полу в прихожей.

– Кофе? – спросил папа.

– Если можно, лучше какао, – ответил Анхель, разуваясь, – кофе я сегодня ужепил.

– Вот как? – прищурился папа. – Две чашки – перебор? Поклонник здорового образа жизни?

– Я выпил пять чашек, – мягко улыбнувшись, сказал Анхель, – первые две – еще в Испании.

– Уважаю, – протянул папа, – но какао – это не по моей части. Мариша?

– Ага, – кивнула я, подталкивая Анхеля в сторону кухни, а папе указывая глазами на дверь его комнаты, – я сварю. Только уточню у Туськи, как. Она мне всегда варит. А мама ушла? А ты кино смотришь? Интересное? Правда же, интересное?

– Страшно интересное, – закивал папа, – я, правда, заснул где-то на середине...

Я зыркнула на него.

– Но, наверное, сейчас как раз самое интересное началось, – закончил папа, – если хотите – присоединяйтесь!

– Обязательно, папочка, обязательно, сразу после какао...

Когда за папой закрылась дверь, я перевела дух. Счастье, что мама у подруги. Иначе мы не отделались бы так легко. Последовал бы каскад самых разнообразных вопросов, а я для начала сама хотела бы понять: что происходит?

На улице Анхель отказался что-либо объяснять. Сказал, что ему сначала нужна одна штука, которую он уже оставил для меня у папы, и нам надо подняться наверх. Пока мы ехали в лифте, мне все хотелось прикоснуться к нему, потрогать за руки, за лицо – он настоящий? Он мне не снится? А то, может, я так сильно мечтала о нем весь сегодняшний день, что он просто привиделся мне?

Но я не смела. И я боялась. Боялась, что брошусь к нему на шею, обрыдаю его с головы до ног, а потом выяснится, что он уезжает уже сегодня вечером. Или даже через час. Вот только коробку занес (а, кстати, что в ней?!), и все – по курсу – Испания.

Так что я терпеливо ждала. Ну, то есть не совсем терпеливо.

Я затолкала его на кухню и завопила:

– Что случилось? Ты вернулся? Когда? Почему?!

– Так вот как можно тебя нежно называть, – задумчиво сказал Анхель, – Мариша... А то все Мария, Мария...

– Анхель!

– Кто-то говорил о какао, – невинно улыбаясь, протянул Анхель, усаживаясь за стол.

– АНХЕЛЬ!

– Ну ты же обещала... Твой папа – свидетель! Позвать его?

– Ты меня с ума сведешь! – буркнула я.

– А еще не свел?

– Представь себе – нет, – гордо ответила я, взяла телефонную трубку и набрала Туськин домашний номер.

– Тусечка, – ласково сказала я, выходя из кухни, – а напомни мне, пожалуйста, дружочек мой дорогой, рецептик какао? А то я забываю, молочко сначала или порошок?

– Ты с ума сошла? – искренне поинтересовалась подруга. – Мы идем на вечеринку к Але. Я ей уже пообещала. Она обрадовалась.

– Так! – громко сказала я. – Значит, двести граммов молока и... погоди, я запишу!

Я помчалась в свою комнату.

– Молоко не в граммах взвешивается, а в миллилитрах, балда! – сказала Туся. – И вообще, что происходит?!

– Туська, – зашептала я, еле сдерживаясь, чтобы не заорать, – Тусечка, он здесь, здесь, понимаешь, здесь, у меня на кухне, сидит, какао ждет!

– Кто? – не поняла Туся. – Дед Мороз?

– Лучше! АНХЕЛЬ!

– Ого, – растерялась Туська, – настоящий?

– Вроде да...

– Обалдеть. Значит, подействовало...

– Что подействовало?!

– А ты еще не видела?

– Что? Что не видела?

– А, тогда не скажу. Иди к нему.

– Ту-у-уся!

– А что он сейчас делает?

– Говорю же, какао ждет...

– Да? Он за этим вернулся? У них в Саламанке такого какао не варят?

– Н-наверное, – пробормотала я, – нет, не только за какао, он еще какую-то коробку привез.

– С какао-порошком?

– Тьфу, не знаю!

– Так походи и узнай!

– Ага, – пролепетала я, – просто... просто мне немного страшно.

– Не бойся! – подбодрила Туська. – Иди и... и свари ему это какао. Такого какао он точно у себя в Испании не найдет. Если ты помнишь, то его стала варить тебе я только потому, что у тебя не было случая, чтобы оно не убежало.

– И не горело.

– И не пахло отвратительно на всю квартиру.

– Ну вот, – расстроилась я, – теперь я боюсь еще больше.

– Я с тобой, – сказала Туся серьезно, – и ты это знаешь. Давай, вперед. К Але придешь?

– Обязательно!

– Тогда жду тебя там. Со щитом или на щите. Но это неважно. Я тебя в любом случае люблю.

– Спасибо, – прошептала я, чуть не расплакавшись.

В коридоре меня ждал сюрприз – запах какао!

– Ты его сварил? – потрясенно спросила я, входя в кухню.

– Нет, пожарил, – покачал головой Анхель, направляясь ко мне с двумя кружками в руках.

По дороге он ткнул локтем в выключатель, и свет погас. Я замерла, но он спокойно сказал:

– У тебя же есть балкон? Выйдем на него?

– Он у нас не утепленный, – неуверенно сказала я, забирая у него свою кружку, – хотя в нашей квартире есть одно место...

И вот мы сидим на моем широком подоконнике. Смотрим в окно. Хорошо бы, конечно, чтобы пошел снег. Но за окном – чистое, сверкающее, отмытое январское утро. Я поджала ноги и попыталась убедить себя, что в порядке, все в норме, просто сидим, просто какао пьем, вкусное, не подгоревшее. Но почему так дрожат руки, рискуя пролить горячий напиток на голубой свитер, точно такого же оттенка, кстати, как на Анхеле...

И почему чистое отмытое утро расплывается перед глазами, и я все дальше проваливаюсь в какую-то параллельную реальность, теряя надежду хоть что-либо понять...

– Я вернулся, – сказал он и отпил какао.

Я молчала, боясь шевельнуться, боясь что-то сказать, боясь даже вздохнуть.

– Бабушка спросила: «Почему?»

Жаль, что его бабушки не было рядом, я бы молча пожала ей руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.